

К Р О К О Д И Л

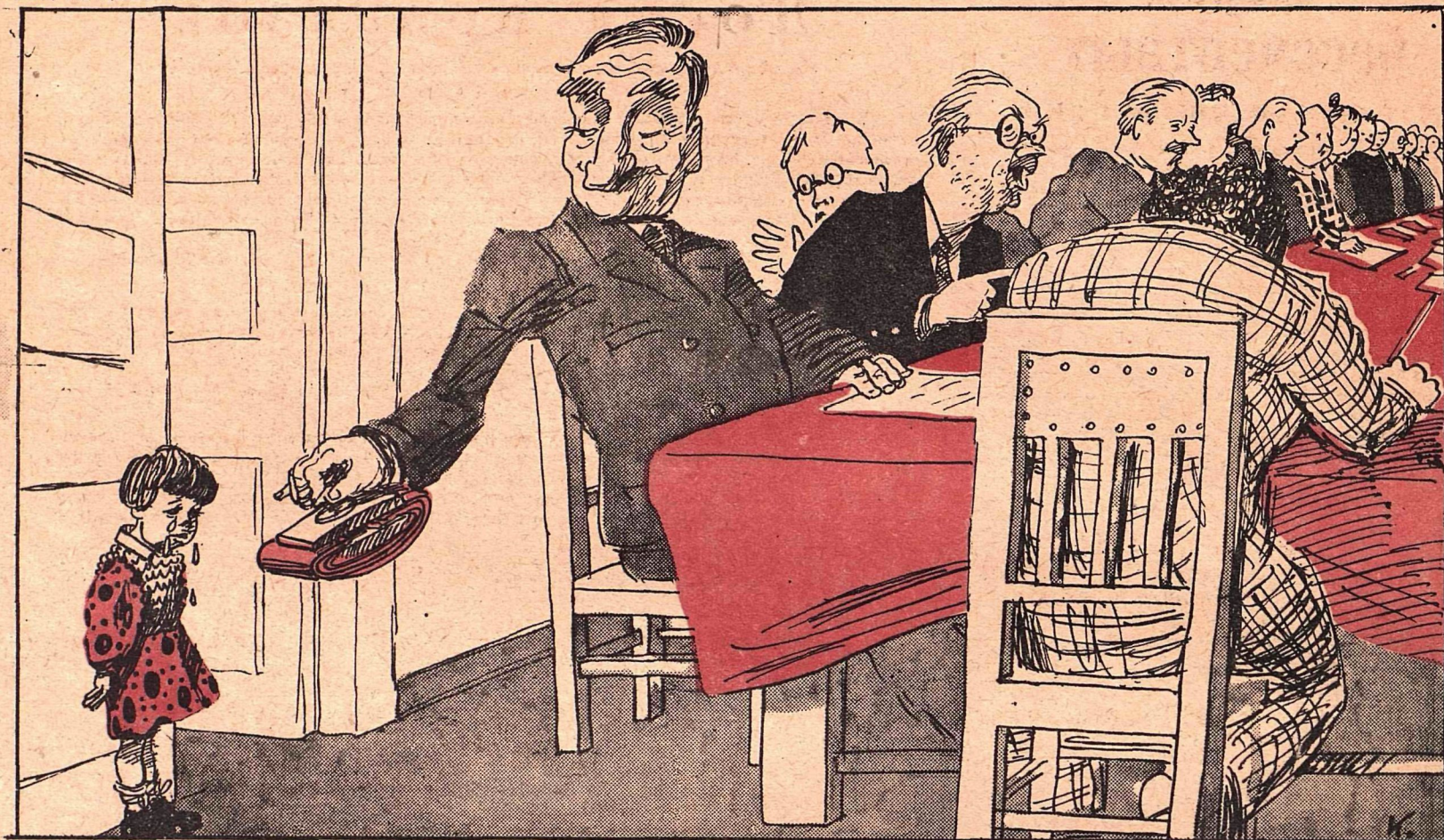
Бор. Ефимов - 40

В ЛОРДОУБЕЖИЩЕ

Рис. Бор. Ефимова

— Нервы у меня, Джемс, расшатались. Бомбардировку Мадрида, Варшавы и Нарвика я переносил мужественно. Разгром Брюсселя и Роттердама даже не лишил меня аппетита. А вот бомбардировка Лондона меня почему-то нервирует!

К 556 / 415

— Возьми, деточка, поиграй и не мешай работать: у нас важное заседание о выпуске детских игрушек.

Племя бледнолицых

ВЫМИРАЮЩЕЕ племя бледнолицых обитает возле рек, озер, морей и водопроводов.

Люди этого племени внешним своим видом, обычаями и нравами как будто не отличаются от нас с вами. Они бывают и кудрявые и лысые, и брюнеты и блондины, и низкорослые и длинноногие, и партийные и беспартийные. Подобно нам они носят брюки на ногах, а пиджаки — на плечах. Едят бефстроганов, вермишель и не отказываются от кулебяки.

Но все же они значительно отличаются от нас с вами: они слишком часто бледнеют.

Вот почему и прозваны бледнолицыми. Их бледность — не только внешний признак: это главная черта характера.

Что бы вокруг ни случилось, краска моментально слетает с их чела. Они начинают метаться, суетиться, каяться, отмежевываться, сигнализировать.

Все это они в точности проделывают даже тогда, когда и ничего не случилось. Но им вдруг показалось: что-то случилось. И они на всякий случай бледнеют. И на всякий случай выполняют весь привычный для них церемониал: мечутся, суетятся, каются, отмежевываются, сигнализировать.

Дабы внести полную ясность в этот вопрос, добавим: люди сего племени известны также под кличкой паникеров. «Паника» — слово древнегреческое и в переводе на русский язык означает: у страха глаза велики, но дальше носа своего не видит.

С таким вот бледнолицым паникером я недавно познакомился в одном из санаториев на берегу Черного моря. Зовут его Трушкин, Евсей Мироныч.

С утра было ясно и солнечно. Хорошо выглаженные курортные небеса беззаботно висели над пляжем, где голые люди яростно стучали костяшками домино. Тут же, рядом, лениво плескалось море, и, тоскуя от безделья, бродила медицинская сестра в синих очках.

А в обед из-за гор прибежали непрощенные гости — стайка беспокойных туч. Они остановились над санаторием и, хмурые и сосредоточенные, стали совещаться, куда низвергнуть излишки осадков.

Трушкин взглянул на небо, сразу побледнел и тут же, встревоженный, забегал:

— Конечно с погодой! Можно уезжать домой. Ох, какой дождь пойдет! Как из ведра! Ливень! На две недели! Минимум!

Его спрашивают:

— Откуда вы это знаете, Трушкин?

Он отвечает серьезно и категорически:

— Будьте уверены! Уж я-то знаю. Никогда не ошибаюсь. На две недели! Минимум! Здесь всегда так. Если тучи из-за гор, — беда!

Тучи постояли, постояли и после короткого совещания разбрелись в разные стороны. А солнце, малость отдохнувши, опять приступило к исполнению своих служебных обязанностей.

Но бледнолицый Трушкин не унимался:

— Знаем мы эти штуки! К вечеру дождь обеспечен. Как дважды два. На две недели! Минимум!

Как-то раз вечером в комнате, где отдыхал Трушкин, электрическая лампочка нервно вспыхнула и погасла.

Трушкин забегал в темноте по комнате, опрокинул несколько стульев и утешал своих соседей:

— Конечно! Теперь света не будет. До конца отпуска! Минимум! Не только у нас. Во всем городе. Крупная авария на электростанции. Я эти штуки знаю.

Ровно через десять минут в комнату зашла дежурная сестра, забрала перегоревшую лампочку и вставила новую.

— Это все пустяки, — сказал Трушкин, когда в комнате стало опять светло. — Пустяки! Не сегодня — так завтра авария обязательно будет. Я эти штуки знаю. Надо запастись свечами.

Почти каждый день Трушкин бывал чем-нибудь встревожен и тревожил других. То ему казалось, что поездка перестанет ходить, то ему мерещилось, что на море подымется шторм в двенадцать (минимум!) баллов, то он всех уверял, что на обед мясных блюд больше не будет. Это все он точно знает. Будьте уверены!

Все его предсказания никогда не оправдывались. Но Трушкин продолжал неизменно выступать в своем репертуаре: пугаясь и пугая.

Я ближе заинтересовался этим странным человеческим экземпляром. У нас в санатории отдыхал его земляк и сослуживец.

И вот что он мне рассказал:

— Трушкин Евсей Мироныч работает в нашей области вот уже третий год. Сначала он работал по линии коммунального хозяйства. И это он на всех гостиницах расклеил нашумевшие в свое время плакатики: «Номеров нет и не будет». Его сняли с выговором, а затем перебросили на фронт искусства. Тут с ним одна канитель. Я так думаю, что его вскоре опять снимут. И снимут за паникерство. Недавно у нас должна была пойти опера «В бурю». Трушкин заартачился. «Не допущу, — говорит, — никакой бури на подведомственном мне участке! Дайте мне такую оперу, чтоб о погоде ни звука. Я эти штуки знаю. Сегодня «В бурю», а завтра — «Метель». Не допущу!» А недавно ему принесли пьесу. Просмотрел он ее и сразу побледнел. «Что вы мне подсовываете?! — закричал он не своим голосом. — Я эти штуки знаю! Тут на 32-й странице имеется слово «клевета». Кампания по клевете давно закончилась. Не допущу на сегодняшний день!» Вот какой человек, этот...

Мой собеседник не успел закончить. К нам подбежал Трушкин:

— Товарищи! Завтра будет затмение солнца. На целых два дня! Минимум! Я эти штуки знаю...

Г. РЫКЛИН

Парад бессмертных

СТРАШНАЯ ПРОФЕССИЯ

В статье «О своей литературной работе» (журнал «Литературная учеба» № 4—5 за 1940 год) Л. Сейфуллина делится с молодежью своим писательским опытом. Она совершенно серьезно пишет:

«Ремесло наше трудное, вредный дех. Головокружение от успехов чрезвычайно часто сопутствует ему, вызывает у работника малокровие, иногда и бледную немочь, порой — паралич».

Ух, как страшно! Зачем, тов. Сейфуллина, так пугать начинающих писателей? Спору нет, литературное дело — вещь трудная, ответственная. Головокружение от успехов, правильно, бывает у некоторых писателей. Но вот малокровие, бледная немочь, паралич и прочие возможные заболевания для литератора, так сказать, необязательны. Тут, если уж на то пошло, литература не при чем.

Мы вынуждены разъяснить это потому, что иной неопытный автор, прочитав поучение Л. Сейфуллиной, засомневается:

— Чорт его знает! Напишешь стихок — тут тебя кондрашка и хватит!

И зареет свой талант в землю...

«Г Ы - Г Ы - Г Ы...»

Сенсационное сообщение помещено в журнале «Чиж» (№ 6 за 1940 год):

*«Жил на свете старичок
Маленького роста.
И смеялся старичок
Чрезвычайно просто:*

*«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,
Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»*

Редакция «Чижа» любезно сообщает, что старичок смеялся еще и так: «Ги-ги-ги да га-га-га, го-го-го да буль-буль», а также «гы-гы-гы да гу-гу-гу, го-го-го да бах-бах».

Это стихотворное «бу-бу-бу да бе-бе-бе» подписано «Даниил Хармс». Что хотел сказать указанный гражданин своим сочинением, — неизвестно. Пытаясь разрешить загадку, мы вспомнили известную поговорку: заставь Хармса ребят развлекать, — он, как говорится, лоб расшибет.

УЧЕНЫЙ КРИТИК

Критик Г. Корабельников пишет в журнале «Октябрь» (№ 3 за 1940 год):

«Здесь не место разъяснять, что социалистическое общество коренным образом отличается от античного общества; укажем только на одно обстоятельство: античное государство, основанное на рабовладельчестве, строили единицы... а социалистическое общество, основанное на общественной собственности, строили и строят миллионы трудящихся масс».

Правильно, Корабельников! Bravo! Волга впадает в Каспийское море. Лошади кушают овес.

ЗОЯ КАБУЛЬ

Дружеский совет

*От исканий непосильных
С каждым днем я все грустней:
Я искал себе будильник
В продолженье многих дней.
На бульваре на окрестном
Друг сказал мне: «Не трудись.
Лучше ты «кроватью-креслом»
Поскорей обзаведись.
Эта штука хоть не будит,
Но гибрид одним хорош:
Он будить тебя не будет,
Потому что не уснешь!..»*

В. ГРАНОВ

Доска приказов

По дому инвалидов Шевченковского района, Харьковской области

ПРИКАЗ № 2

В виду того, что бывший завдомом инвалидов Сызонов устранен от заведывания и согласно Парт Комитету вступаю Я Лисянский В. И. Моим заместителем согласно постановления Парт Ком. назначен Стороженко Н. Ф. оклад 150 р. А поэтому прошу всех рабочих и служащих исполнять все распоряжения отдаваемые и согласованные со мной Стороженком Никанором Федотовичем. Н. Ф. Стороженко помнить твердо единоначалие и строгую дисциплину которая должна выполняться рабочими и служащими а также и нами самими, итти вслед за стахановским движением.

И. д. зав дом ЛИСЯНСКИЙ

ПРИКАЗ № 3

Т. Стороженко Н. Ф. за отсутствием моим с хозяйства когда бы ни было все функции по хозяйству дома инвалидов возлагаю на Вас. Всякие вопросы, касающиеся хозяйства дома инвалидов Вы можете и дается право разрешать как бы и я сам.—

Прошу, заняться умственным трудом по всем отраслям хозяйства...

И. д. завдом. ЛИСЯНСКИЙ

ПРИКАЗ № 9

Ко всем постоянным рабочим и поденным моя товарищеская просьба выполнять все работы данные ежедневно по наряду точно аккуратно и чтобы каждая работа в отделиности каждого оправдывала свою денную ставку.

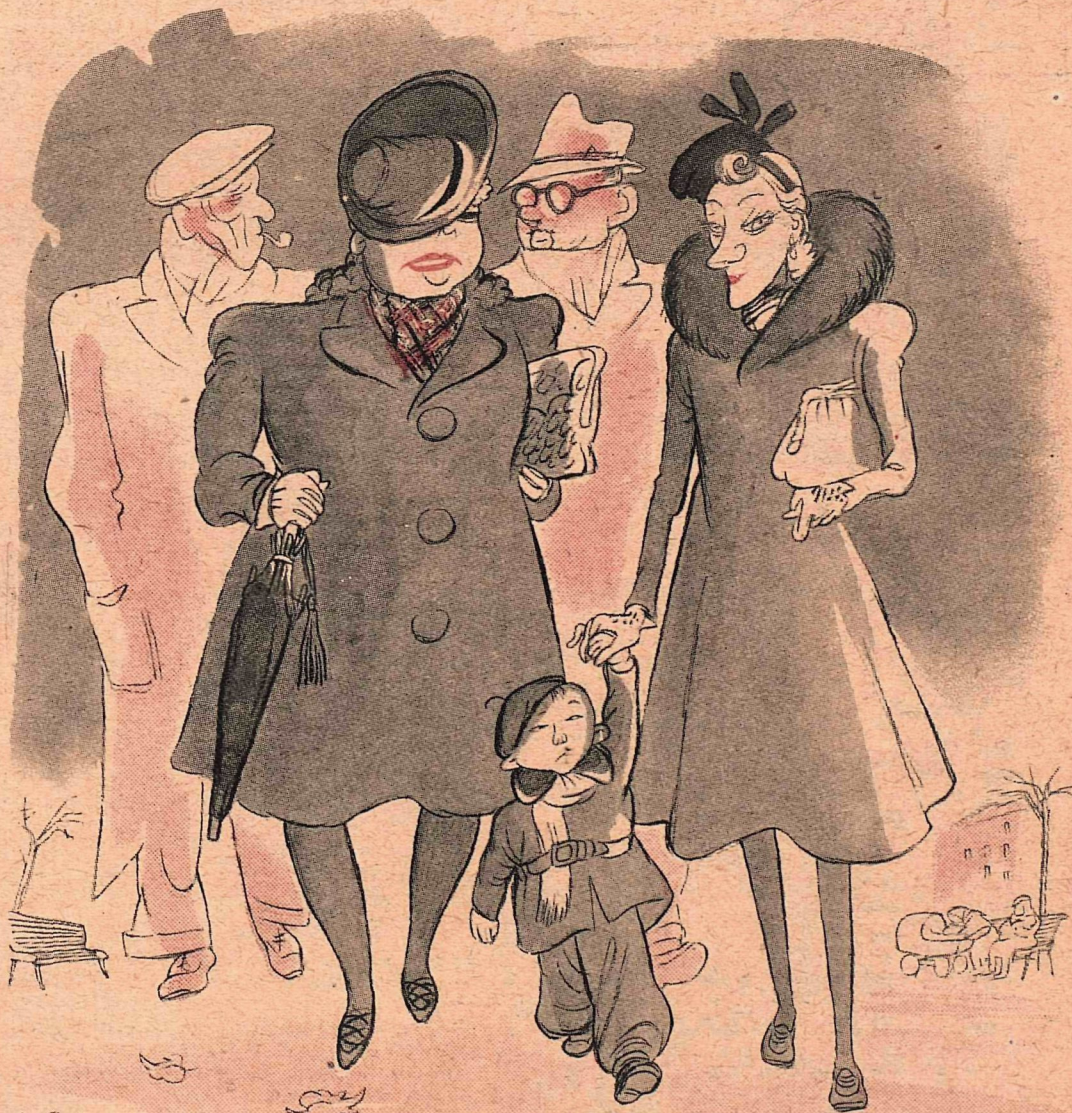
Рекомендую выполнять все работы не спод бывшего буржуазного кнута, а должен помнить каждый себя как пролетариат Советского государства и итти по стахановской пути...

Замечено будет мною искривление этой пути будет исключен с хозяйства дома Инвалидов как чуждый элемент с донесением высшим властям Партии и Правительства.

Директор ЛИСЯНСКИЙ

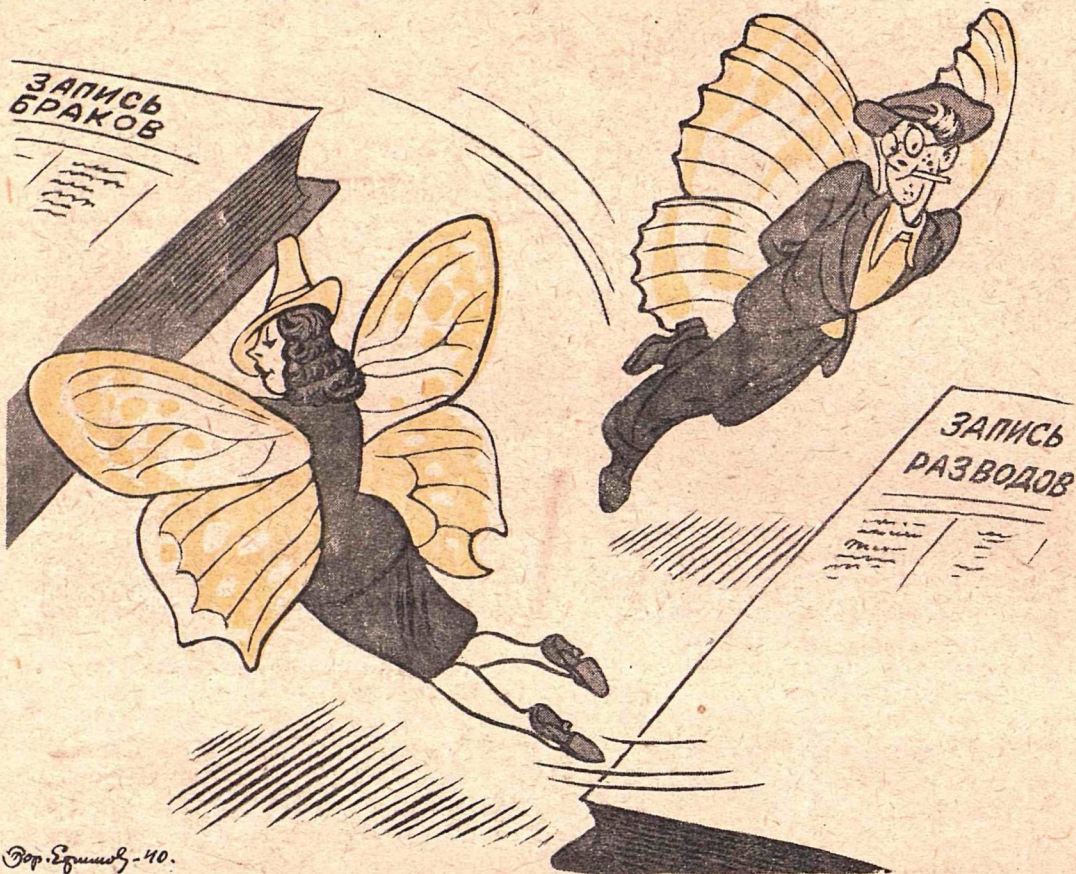
ПОЖАЛУЙ, ОНА ПРАВА

Рис. Н. Лиса

— А какие вещи драматурга Ясновзорова ты считаешь лучшими?
— Кровать красного дерева, персидский ковер и, конечно, малолитражку.

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 40.

Но короток мой век —
Он не более дня.
Будь же добр, человек,
Разведи-на меня.
Пожени-на

Две формулы

КОГДА Иван Петрович Робких поступил в наше учреждение, он на первых порах чрезвычайно боялся бумажек. Ежели секретарь подносил ему очередную пачку «отношений», Иван Петрович цепенел от ужаса...

— Ну, куда ты мне суешь? — говорил он. — Разбери сам.

— Нельзя, Иван Петрович. Как вы есть заведующий, а я всего-навсего секретарь, — вам так сказать, и бумажки в руки.

— А что я буду с ними делать?

— Как что? Обыкновенно — дать направление. Вот, скажем, «Главскоба» просит у нас углового железа. А вы черкнете резолюцию: «Отказать» — или, напротив: «Отпустить»...

— Ты, брат, легко на вещи смотришь, — отвечал Иван Петрович, — я напишу «Отказать», а потом меня же, гляди, и потянут к ответу...

— Тогда пишите «Отпустить».

— А напишешь «Отпустить», — опять нехорошо получится: скажут, зачем отпустил, когда можно было не отпускать...

В конце концов, после долгих колебаний, Иван Петрович придвигал к себе пачку и, холодея от тоски, украшал бумагу резолюциями, стараясь составлять их так, чтобы с одной стороны получалось вроде как бы «отпустить», а с другой стороны вроде как бы «отказать»...

Вскоре, однако, Иван Петрович освоился со своими трудными обязанностями заведующего материально-бытовым отделом и уже начал поглядывать на бумажки даже несколько иронически, как бы говоря: «Знаю я вашего брата, вы меня не проведете». Суть в том, что Иван Петрович твердо усвоил две резолютивных формулы, которые начисто избавляли его от всяких колебаний:

— На ваше усмотрение.

— Жду указаний.

Первая формула предназначалась преимущественно для подчиненных, а вторая — для начальства...

Усвоив эти две формулы, Иван Петрович заметно посвежел, приобрел легкий румянец, улучшился аппетит и явно прибавил в весе. Теперь он уже с живостью брался за бумаги и быстро накладывал резолюции.

— У меня никакой волокиты нет и быть не может, — говорил он секретарю. — Я, брат, законный враг всякого бюрократизма. Раз — и готово!.. Это что? Опять «Главскоба»? На ваше усмотрение! А это что — напоминают о долге? «Сергею Сергеевичу, директору треста...» Пойдите, сейчас наложу резолюцию: «Жду указаний».

И до того Иван Петрович овладел искусством налагать резолюции и до того полюбились ему две выше упомянутых формулы, что он стал пользоваться ими во всех случаях жизни...

Придет он, скажем, домой после праведных трудов на посту заведующего материально-бытовым отделом, а жена спросит:

— Куда мы, Ванечка, сегодня пойдем: в кино или к Сладкогласовым в гости?

Иван Петрович немедленно отвечал:

— На ваше усмотрение, дорогая супруга.

— Все же, Ванечка?

— Жду указаний, дорогая супруга.

И жил Иван Петрович в полном довольстве, припеваючи, имея среди своих подчиненных репутацию удобного во всех отношениях руководителя, а среди начальства — репутацию человека послушного и покладистого.

Но вот однажды нашего директора треста, дорогого Сергея Сергеевича, сняли и вместо него пришел новый начальник. Разумеется, все немножко волновалось. Исключение составлял лишь Иван Петрович Робких, который, узнав о переменках, отнесся к ним с полным хладнокровием:

— А мне что! У меня комар носу не подточит: я свое дело знаю.

В этот день Иван Петрович с обычным рве-

нием расправлялся с бумагами и уже посматривал на часы, определяя, сколько минут осталось до обеда, как вдруг его вызвал новый начальник.

«Что бы это такое могло быть? — думал Иван Петрович, застегивая на ходу пиджак. — С обязанностями своими я справляюсь, дело изучил, бюрократизма не допускаю... Может, просто познакомиться хочет со мной? Так сказать, обменяться мыслями?»

Новый начальник встретил Ивана Петровича сухо, оглядел его со всех сторон, как осматривают любопытный экспонат, и сказал:

— Это ваши пометки на бумагах?

Иван Петрович взглянул искоса на стол и закивал головой:

— Мои, мои...

— Почему вы пишете все одно и то же: «Жду указаний».

— А как же: действительно жду. Вы укажете, тогда я, значит, исполню...

— Что я должен указать, по вашему мнению?

— Мое собственное мнение целиком зависит от вас...

— Но как вы сами-то думаете? Вот, скажем, нас просят занарядить два вагона пиломатериалов. Можем мы это сделать или нет?

— Это уж как вам будет угодно...

— С вами говорить — надо шуд гороху с'есть...

— Это уж на ваше усмотрение, товарищ начальник.

— Я вас спрашиваю: как быть с пиломатериалами?

— Жду указаний, товарищ начальник... А сам думать не смею.

...Иван Петрович Робких вернулся в этот день домой в расстроенных чувствах.

— Ну вот, — сказал он жене, — поздравь, уволили, освободили, так сказать, от занимаемой должности.

— За что же это тебя, Ванечка?..

— Не пойму, милая, никак. Год служил верой и правдой. Одних резолюций написал с тысячу. А вот, поди, не понравился. Пришелся не ко двору. Новая метла чисто метет... Говорят, что я бездельник, а какой я бездельник, ежели за это время минимум две пары брюк протер, сидя за служебным столом?!

— Успокойся, Ванечка, — сказала жена, — не оценили тебя, моего бедного. Ничего, поступишь на новое место, опять будешь резолюции писать.

— Я человек полезный, — рассуждал Иван Петрович, хлебая домашний борщ, — я бюрократизма никогда не допущу: у меня этого и в мыслях нет...

— Сколько тебе котлет положить: одну или две?

— На ваше усмотрение...

Ник. КРУЖКОВ

НА СТРАЖЕ «ИНТЕЛЛЕГЕНТА»

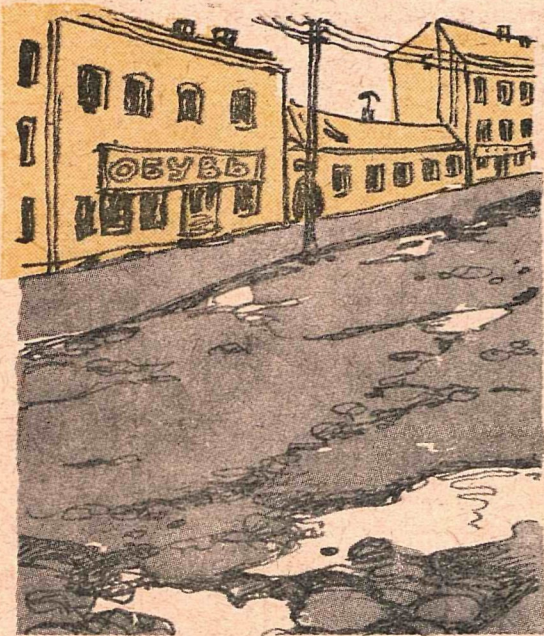
Лысенко, инженер завода СК-3, избил рабочего Куришова. Газета «За советский каучук» потребовала привлечь инженера к суду за хулиганский поступок. Прокуратура Ефремовского района (Тульской области) пропустила требование газеты мимо ушей. Через месяц газета напомнила прокуратуре о необходимости привлечения Лысенко к ответственности.

Таковы сухие факты. «А где же юмор?» — спросит недоумевающий читатель. Юмор в послании и. о. прокурора Ефремовского района Живчикова, полученном редакцией газеты «За советский каучук»:

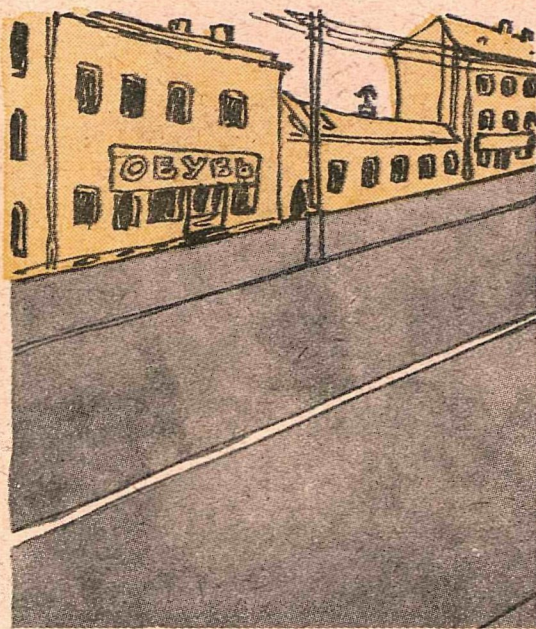
«Повторяю поскольку дело идет о интеллигенте с высшим образованием, но которого по обучению его государство затратило большие средства заниматься упрощенчеством в отношении его в этом деле прокуратура не намерена, а поэтому считаю кориктуру с расписанием водки «за здоровье судебных работников» неуместной и проявл. не врозность в мобилизации общественного мнения в деятельности прокуратуры в этом деле является шаблоном».

Несмотря на то что Живчиков явно «проявл. не врозность», ему все-таки удалось блеснуть юмором в этом грустном деле.

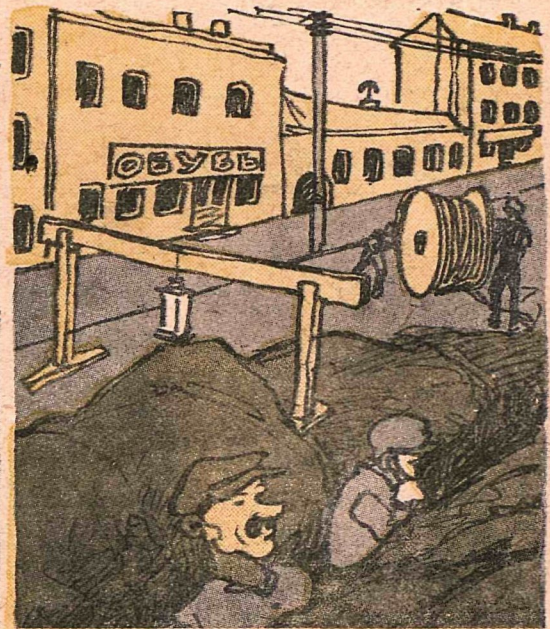
И на том спасибо!

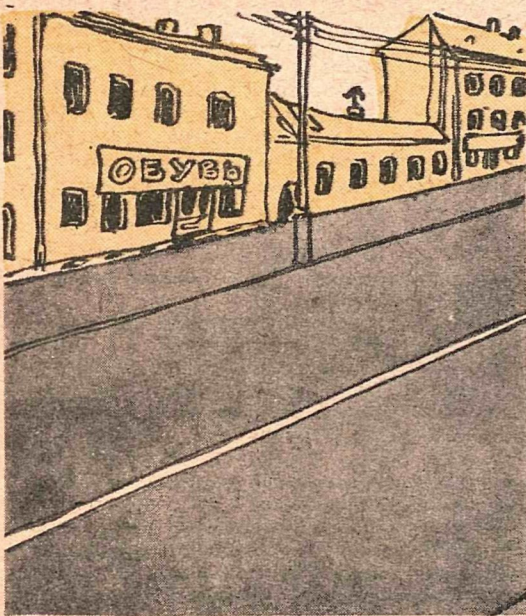
Что ни шаг, то грязь иль яма
Возмутительно прямо!
Надо асфальтом крыть.

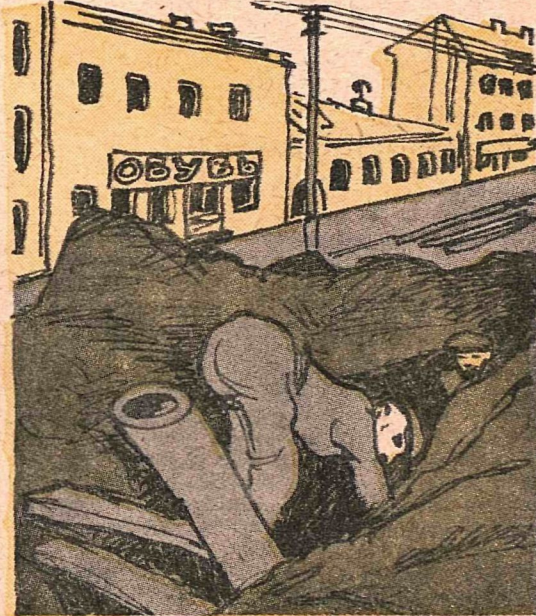
Вот и прекрасно — покрыли
Эх, только кабель забыли.
Надо асфальт разрыть.

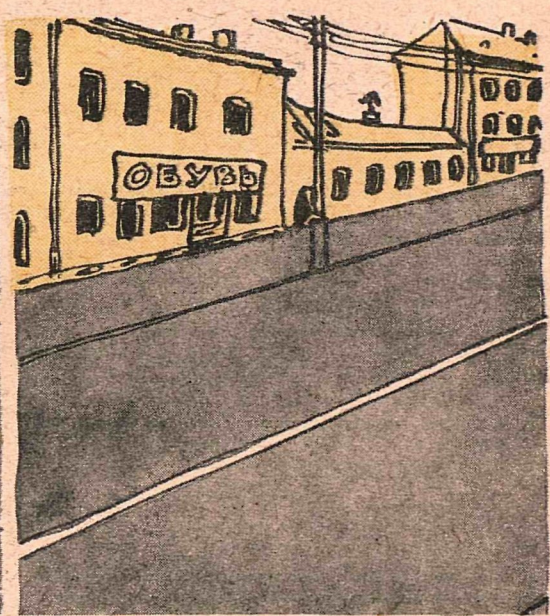
Кабель уже проложен,
Но улицы вид невозможен.
Надо асфальтом крыть.

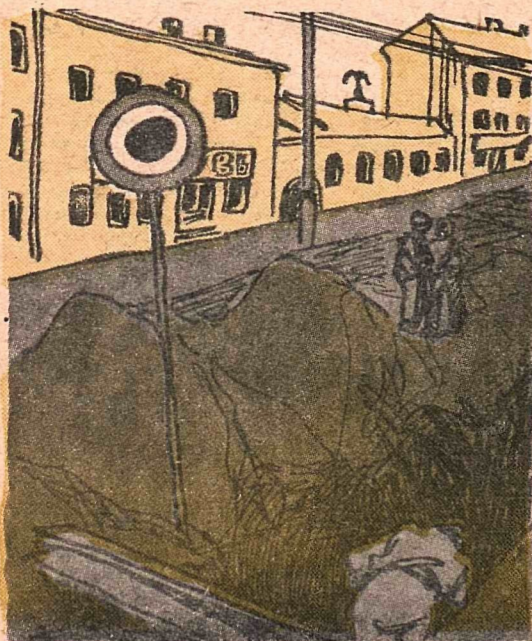
Вот и прекрасно — покрыли.
Эх, водопровод забыли.
Надо асфальт разрыть.

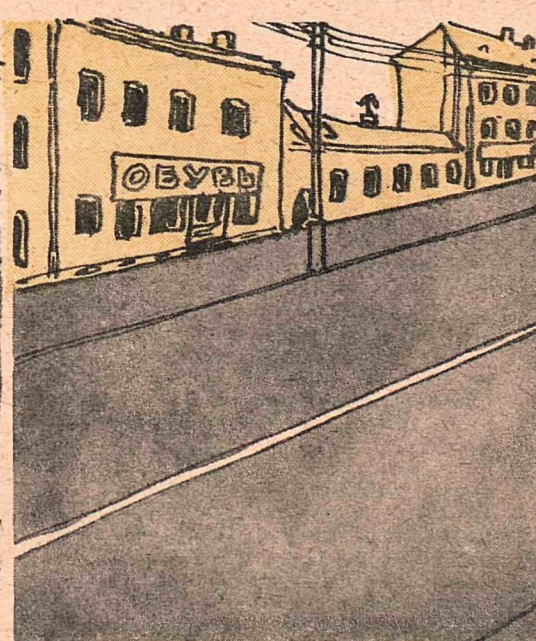
Водопровод проложен,
Но улицы вид невозможен.
Надо асфальтом крыть.

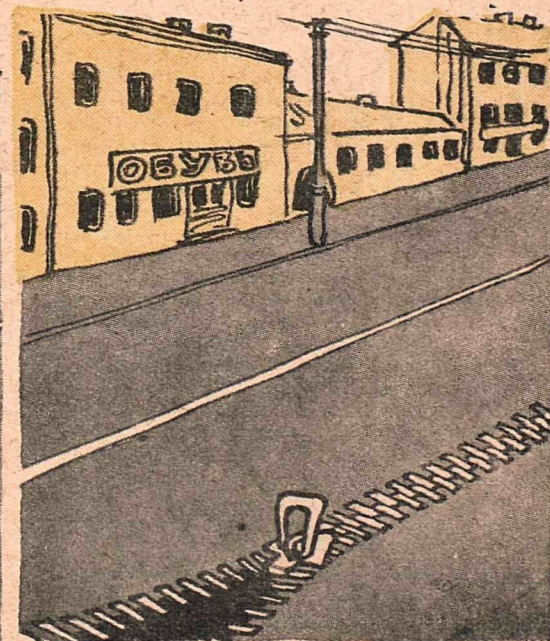
Вот и прекрасно — покрыли.
Эх, только газ забыли.
Надо асфальт разрыть.

Вот вам и газ проложен,
Но улицы вид невозможен.
Надо асфальтом крыть.

Вот и прекрасно — покрыли.
А вдруг что-нибудь забыли!
Как же, скажите, быть?

Проект Крокодила
Раз навсегда:
Просто и мило —
Туда и сюда.

Семь бед — один (либеральный) ответ.

На то ведь и бумаги, чтобы их подписывать...

Это был припадок бескорыстного вдохновения. Директор Гусев сочинил... Конечно, ловкий литзакройщик всю жизнь без скуки сосал бы эту соску: комбинировал бы сценарии, оперетты да балеты. А тов. Гусев написал только приказ по заводу. Пять строк! Но они стоят иного романа.

Приказ

по Андреевскому льнозаводу
За неоднократное предупреждение, тов. Л. за разложение семейного обстоятельства, т. е. ... тов. Л. еще раз с И. шла из деревни Кресино по заявлению рабочего.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Тов. Л. до работы не допускать до выяснения в тресте.

Директор А. Гусев».

— Еще раз! Шла! Из деревни! Разложение семейного обстоятельства! — ужасались люди у доски приказов. — Какая бедна падения!

Легко догадаться, что в тот день на заводе вообще не столько трепали лен, сколько... чесали языки.

А в Кисловодске другой случай, как говорится, привлек внимание широкой общественности. Некий Кочкарев прислал в управление курортом следующую «докладную записку»:

«Ввиду того, что при лаборатории не имеется уборной и сотрудникам приходится ходить в соседнюю лабораторию... прошу сообщить — каким образом отметить отсутствие сотрудников и следует ли завести для этого отдельную книгу».

В иных учреждениях обретается слишком много юмористов. Явное перепроизводство. И все они развлекаются обязательно «с приложением казенной печати». Вот каким шутком гороховым вырядился председатель Кубено-Озерского райпотребсоюза тов. Воронов, написавший самому себе следующее уведомление:

«Воронову Николаю Александровичу
За вами числится задолженность райпотребсоюзу за квартиру за май, июнь, июль, август, — 71 рубль 44 коп. Предлагаем в пятидневный срок погасить эту задолженность, в противном случае дело будет передано в суд для принудительного взыскания.

Пред. правления райпотребсоюза
Н. А. ВОРОНОВ».

Николай Александрович Воронов угрожает судом Николаю Александровичу Воронову! Так как это — одно лицо, нет нужды спрашивать, кто из них умнее...

Когда углубляешься в иное письмо советского учреждения с исходящим номером и про-

чими атрибутами официального документа, то ясно представляешь себе, как «подмахнул» его какой-нибудь обладатель министерски неразборчивой подписи. Секретарша такого «чина» выполняет обычно роль глухого сторожа земской управы Ферапонта из «Трех сестер» Чехова:

«Ферапонт. Бумаги подписать...

Андрей (нервно). Отстань от меня! Отстань! Умоляю!

Ферапонт. На то ведь и бумаги, чтобы их подписывать... Бумаги-то, ведь, не мои, а казенные. Не я их выдумал...

Андрей. Надоел ты мне».

И, наскоро изобразив на подсунутой «казенной» бумаге свою закорючку, руководитель учреждения дает путевку в жизнь таким, например, бюрократическим уродствам, которые зло высмеяла газета «Красная Мордовия»:

«Общежитие коноплеводной школы школой оборудуется под школу...»

«Просить СНК Мордовской АССР отпустить бланк акта на вечное пользование земель для замены акта, пришедшего в негодность колхоза «Власть труда» (?!).»

«...Просим Уполнаркомзат и райсовет, тоже Саранский консервный комбинат помочь в срыве молокопоставок» (?).

«Предложить тов. Самарову обязать всех своих учителей с завтрашнего дня начать работу по ликвидации неграмотных» (?).

И весь этот словесный хлам, вся эта макулатура оформляется как официальные документы! Кто автор подобных произведений? Чаще всего их пишут самые неквалифицированные канцеляристы, а руководящий состав лишь штампует их малограмотную стряпню. Что поймут, например, люди из таких «спущенных на низовку» директив Центросоюза:

«...Урегулировать формы плодов огурцов во 2-м сорте не может служить основанием для снижения их качества. Зам. директора В/О Центроплодоовощь Марчуков».

«Дайте соответствующие указания ответственным лицам Вашей системы...»

Директор Центросырья — Синельщикова, кожсырьевой отдел — Грачев».

Дальше читать не стоит. В непролазном нагромождении слов все равно не поймешь, что требуется от «кишок Вашей системы».

И растекаются по Советской стране потоки бумаг, которые уже одним своим языком плодят бюрократизм и выдают их авторов в том, что они не только к стилю равнодушны, но и к самому делу, за которое «отвечают».

В. ХАНДРОС.

Короткие рассказы

СВАДЬБИСТ

ОН ПРИГЛАСИЛ гостей, чтобы отпраздновать серебряную свадьбу. Когда гости, поздоровавшись с еще молодоженой женой, уселись за стол, юбиляр встал и сказал:

— Я сегодня отмечаю серебряную свадьбу.

Один из гостей прощентал соседу:

— Какое ячество! Я, я, я...

Хозяин продолжал:

— Да, двадцать пять лет назад женился я. Гости переглянулись.

— Как сейчас, я помню этот день, сыгравший в моей личной судьбе большую роль. Я был молод... А впрочем, просто прошу выпить за мою серебряную свадьбу.

Произнося тост, один из гостей сказал:

— Скажу прямо, Иван Панфилыч: все я, да я... «Моя серебряная свадьба. Я помню... А что же Марья Селионова?»

Хозяин добродушно замахал руками:

— Что вы! Что вы! Да Маша за мной всего пять лет замужем. А до того, за двадцать лет я восемь раз был женат. Так что это моя, моя серебряная свадьба.

ЛОДКА

ХУДОЖНИК нарисовал картину «Старая лодка».

— Недурно, Вася, — похвалил приятель.

— С удовольствием писал.

— Чувствуется... Но, понимаешь, это чересчур пессимистично. Кругом такое строительство, а тут лодка с пробитым дном. Ты бы хоть на дно заплату поставил. Человек бы, творец в этой заплате чувствовался.

— Ты думаешь?

— Ясно. Да и жюри больше понравится.

Художник починил дно. Показал картину консультанту из союза.

— Чудно! Очень чудно... Но, понимаете, нельзя ли к лодке вот сюда винтик приспособить? Будто моторная эта лодка. Сами понимаете: век пара и электричества, индустрия кругом — и вдруг просто лодка, будто при Владимире Святом.

Художник вздохнул и приписал винт. На предварительном просмотре один из членов выставочной комиссии сказал:

— Отлично!.. Вот только лодка у вас индивидуалка. За вашим песком пусть поднимаются строительные леса. Дескать, лодка не одна.

На выставке картина называлась «Постройка мотоботов».

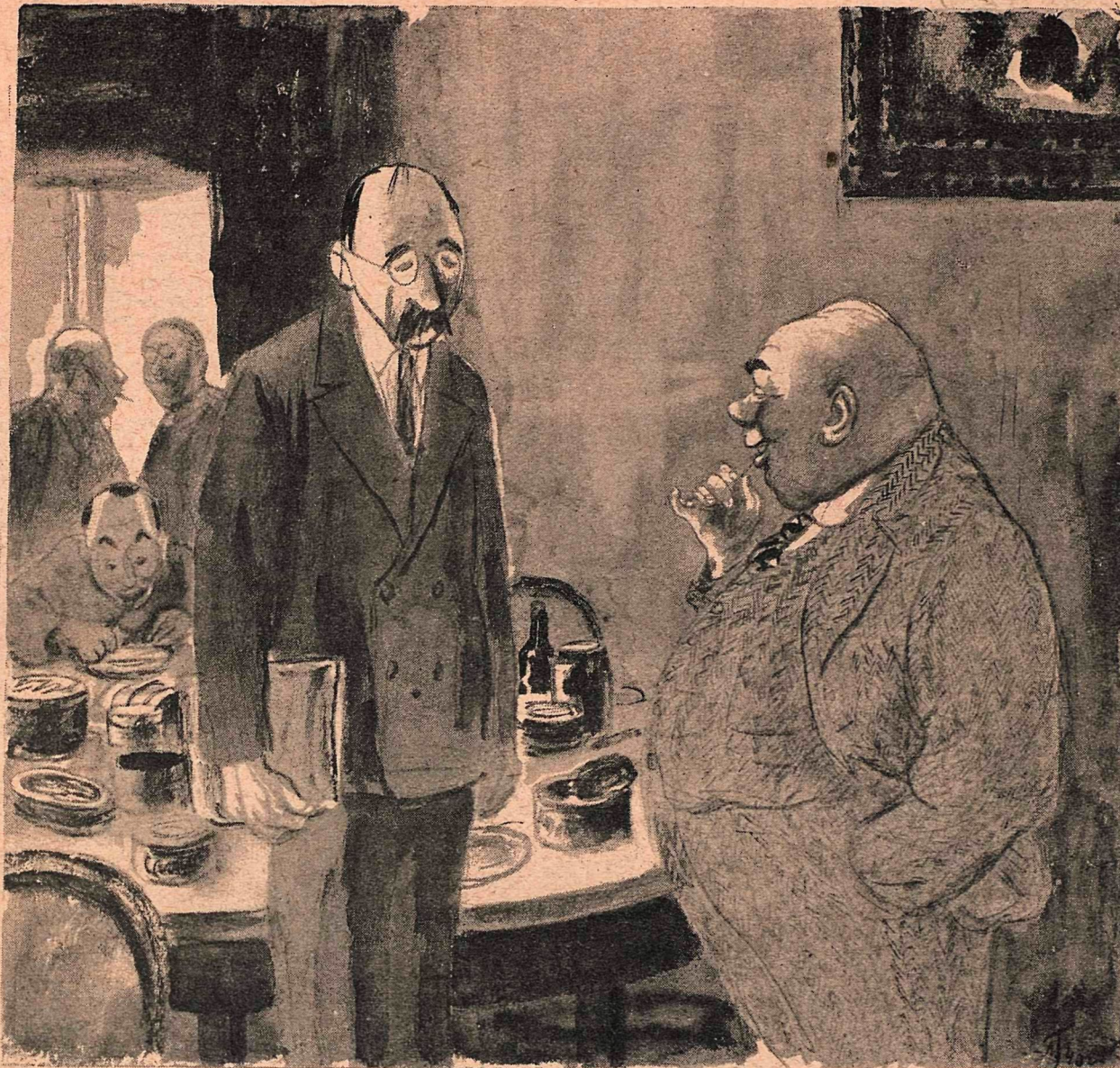
В. ТОБОЛЯКОВ

Рис. А. Баженова

— Безобразие! И чего только смотрит школа!

В. ХАНДРОС.

— Какого качества последние два вагона икры?
 — Самого высшего! Мы всю с'ели. Пришлите еще.

П о с л е д н и й ч а с т н и к

— Мы только день в вашем городе,
 Так что командуйте, Настенька!
 Что-нибудь экзотическое,
 Чтоб верилось, но с трудом.
 — Знаете что, товарищи?
 Посмотрим последнего частника.
 Очень занятный типчик,
 Отсюда четвертый дом.
 Альм пожаром кленов
 Пляшет ветер с востока.
 Серенькая вывесочка
 Отнюдь не ласкает глаз.
 Вот он — последний частник
 Города Белостока.
 Вот его хищный профиль
 И нагловатый фас.
 Галстук, ботинки, шутки
 Самых модных фасонов.
 — Милости просим, товарищи!
 Ласков, как лучший друг.
 И только на самом доньшке
 Солидной его персоны
 Плещется хитрая злоба
 И очень нехитрый испуг.
 — Вы из Москвы, неправда ли?
 Имеете там квартиру?..
 У вас тут ходят автобусы,
 Но метро, конечно, быстрее.
 Я вам скажу по совести:
 Мне нравятся командиры
 И нравятся ваши солдаты..
 А... много в Москве кустарей?
 Мало? М-да... Это плохо.

Люди инициативы.
 Мадам, пройдите до пудры..
 Девица? Дама? Вдова?
 Тсс... париж-с-с-ские одеколоны!
 Пластинки, любые мотивы!
 Откройте эту коробку,
 Взгляните, какой товар!
 Что я себе имею
 С этой паршивой лавки?..
 Я всегда был советским,
 Раньше, чем вы пришли!
 Мадам, по рублю вам дорого
 За эти вот две булавки?
 Возьмите тогда еще одну —
 И... вот мое сердце... коли!
 Я уважаю юмор:
 От шутки короче сутки.
 Лишний разок пошутить —
 Лишний разок продать —
 Лишний разок продажи —
 Лишний кусок в желудке..
 Сорок за эту ручку,
 Двадцать за карандаш.
 Есть в Москве у вас девушка?
 Вот для нее помада.
 Это же не помада:
 Это же мармелад!
 Что? Для нее не надо
 Этого мармелада?
 Не надо, ну, так не надо!
 Пусть живет без помад.
 Вот, объясните, товарищи:
 Чем это все-таки плохо?

Ну, я имел себе домик
 (Каких-то два этажа).
 Я же все понимаю: пролетарьят... эпоха..
 Но даже автомобили не могут без гаража..
 И что это значит: частник?
 Что за словечко «частник»?
 Я понимаю: владелец,
 Негоциант, коммерсант!
 Мадам, зачем торговаться?
 Вы держите ваше счастье,
 Счастье за два червонца!
 Я бы купил его сам.
 Да, вы, конечно, правы..
 Я же читаю газеты,
 Но все-таки... все-таки... все-таки..
 Что же вам завернуть?
 Это, это и это?
 Вы не берете это?
 Дорого? Да, недешево.
 Ну, счастливый вам путь.

* * *

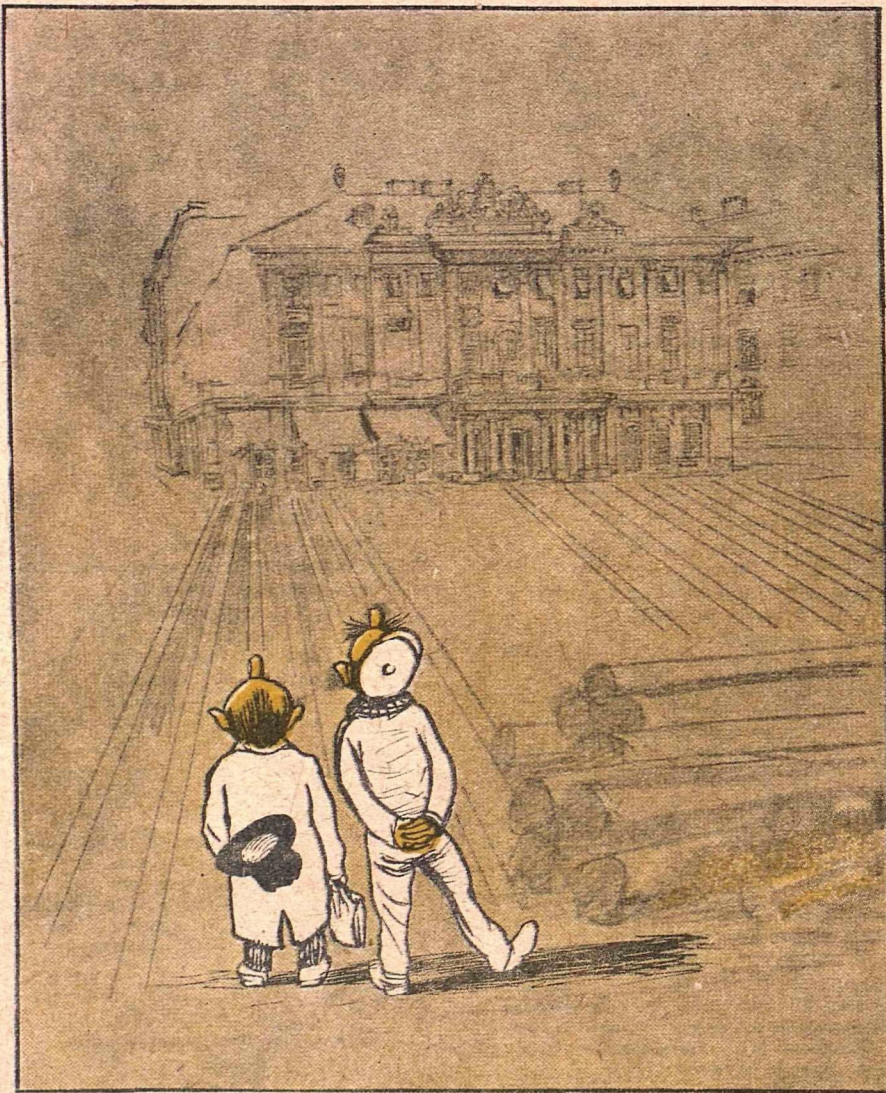
Мы только день в вашем городе,
 Так что спасибо вам, Настенька,
 Завтра, в одиннадцать сорок,
 Ждет нас аэродром.
 Сейчас мы едем на фабрику.
 Прощайте! Кланяйтесь частнику.
 Очень занятный типчик,
 Отсюда четвертый дом.

А. РАСКИН,
 М. СЛОБОДСКОЙ

Улица

— Ну, учи азбуку, сынок. Вот — А, вот — Б, а дальше и В.

- Маловато топлива заготовили.
- Ничего, этой зимой будет теплее.
- ???
- Дом-то на 20 метров к югу передвинули.

— Неправильно мне глаза вылечили: вместо улицы Горького переулок Садовских вижу.

Горького

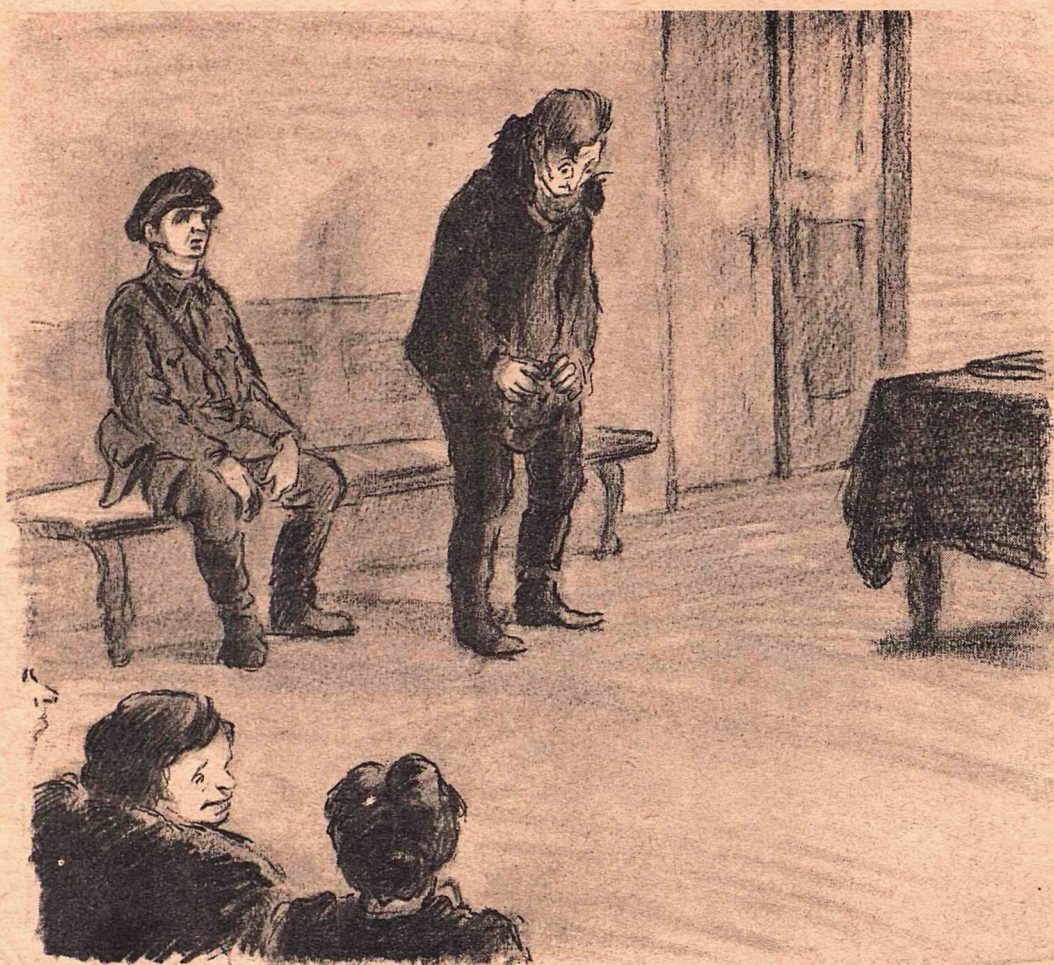
— Эх, либеральничают с пешеходами-нарушителями. Улица вдвое шире, а штраф тот же.

— Архитектура новая, а правописание старое.
— Это как же?
— Корпус-то Е, а выстроен на ять.

— Ну потерли, моя душа: нам обещали корпус Ш.

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ОТКРЫТ

ЧАЙКОВСКИЙ (композиторам): — Милости прошу к моему шалашу.

— Удивительно: всю жизнь выражался последними словами, а в последнем слове ничего сказать не может.

Испытанный способ

В СВЕТЛЫХ глазах Афанасия Рыжика, казалось, застыли печаль, горечь тяжелой обиды, недоумение.

— Не знаю, что и предпринять! — говорил он своему собеседнику. — Столько забот, столько огорчений с этой, будь она неладна, столовой. Знал бы, ни за что б не согласился идти в заведующие. Вы только подумайте: мухи летают — я отвечаю, нож не режет — я отвечаю. Я, я, я, все я... Приходит, к примеру, посетитель, выбирает себе местечко за столиком. Ну, сел, ну, кажется, посиди. Нет, и полчаса не проходит, как он начинает беситься: «Дайте мне сейчас же сюда самого заведующего!» «Ну, я заведующий. В чем дело, гражданин? Что? Полчаса ждете, и к вам никто не подходит? Ну и что ж? А вам известно, извиняюсь, что у наших официанток с шеф-поваром конфликт? Не известно? А вам известно, что по системе столовых штаты сокращены на тринадцать целых и семь десятых процентов? А вам известно...»

Только успокоит одного, другой за соседним столиком начинает хорохориться: «Почему шницель пережарен?»

И уж, конечно, сейчас ж по мою душу: «Позовите мне сюда заведующего!» «Я заведующий. Шницель? Ну и что ж?.. Известно ли вам, — говорю, — гражданин, что шеф-повар нашей столовой находится в состоянии конфликта? Не известно?» «Нет, — кричит, — не известно, и знать ничего не желаю... Дайте мне жалобную книгу!» Дать ему жалобную книгу? Больно скор. «В порядке очереди, будьте уж так лобезны, гражданин. До вас уже трое дожидаются!» «Ничего, ничего, — говорит, — а я буду четвертый в этой очереди!» И, представьте, ждет каналья! То, понимаете, визг поднимают: «Ах, ах, времени нету!» А то ждут, как проклятые. А что пишут? Что только пишут! «Столовая — обжорка». «Заведующий — дезорганизатор, вор, бездельник». «Шеф-повар — пьяница, бракодел».

Скажите, пожалуйста, каково это мне, заведующему, все читать? Меня оскорбляют, а я читаю. Меня поносят, роняют мой авторитет в глазах всего штата, а я читаю, утираюсь, молчи в тряпочку?.. Извиняюсь! Несогласен. Еще надобно выяснить, что это за элементы, которым ты обязан давать жалобную книгу. Может быть, им и давать не полагается. Я уже было решил присмотреться и проследить. Вдруг новая неприятность. Открываю наднях газету. Читаю и глазам не верю. О моей столовой пишут: «Обжорка под флагом общественного питания»; «Преступные махинации директора обжорки Рыжика». И под этим семнадцать подписей. Подумайте: семнадцать подписей! Ведь это же организованный створ, интрига, хулиганство! Ведь если с этим не бороться, не протестовать, не... Я, конечно, написал письмо в редакцию. А что делает редакция? А редакция пишет маленький фельетон «Рыжик изворачивается». Вы понимаете? Я у них прошу защиты и справедливости, а они... Но что же, наконец, делать? Посоветуйте, что мне теперь предпринять.

— Есть один способ! — ответил собеседник. — Старый, испытанный, верный способ!

— Какой же? Прошу вас, скажите!

— Старый и очень простой способ. Поставьте в столовой дело таким образом, чтобы обслуживающий персонал действительно обслуживал посетителя, чтобы мужи кончали свой век не в борще, а на липкой бумаге, чтобы ножи резали, чтобы картошка варилась в супе запросто, по-домашнему, без мундира, и чтобы каждый посетитель вашей столовой чувствовал заботу, внимание, уважение. Вот и весь этот способ!

— Так! — почесывая за ухом, озабоченно сказал Афанасий Рыжик. — А другого способа, извиняюсь, нет?

Л. МИТНИЦКИЙ

В темноте

ВЛАДИМИР Иванович Сенцов, молодой и энергичный работник, недавно назначенный управляющим некоей конторы, поднимался по лестнице в квартиру, где жил его заместитель по управлению конторой Карпенко. Сенцов шел по приглашению этого самого Карпенко и несколько колебался: уместно или неуместно навещать частным образом человека, которого он мало знает, потому что Карпенко работал в конторе до назначения Сенцова?

«В конце концов, что особенного? — думал Сенцов. — Ну, если обстановка будет неподходящая, уйду... человек он солидный, этот Карпенко, старше меня. Несколько раз приглашал... Ну, посижу и уйду».

Позвонив два раза, согласно указанию таблички на двери, Сенцов приготовил на лице любезную улыбку и стал ждать. За дверью послышались быстрые шаги, и дверь открыл сам Карпенко с улыбкой еще более любезной нежели у его патрона.

— Владимир Иванович! Ну, наконец-то! «Мы вас ждали, ждали, ждали, а вы, хе-хе, запоздали!» Так, кажется, у Грибоедова? Прощу вас.

Сенцов прошел по обычному коридору коммунальной квартиры в уютную комнату, где уже накрыт был стол для ужина. Жена Карпенко, немолодая и тучная гражданка, встретила гостя с улыбкой еще более сладкой нежели у мужа.

— Ну-с, сейчас водки принесут — дома мы ее не держим, а для дорогого гостя послали купить — и к столу. Присядьте покуда вот здесь...

Присели. Помолчали. Потом хозяин пристойно равнодушным тоном заговорил о служебных делах, но только о таких, которые не могли бы вызвать огорчения или споров. Сенцов любезно отвечал. Хозяйка гремела тарелками. Словом, все шло очень хорошо, как вдруг...

Как вдруг электрическая лампочка под рижим абажуром, свешивавшимся над столом, лениво начала мигать. Помигала, помигала и потухла.

— Вот-те на! — с недоумением произнес Карпенко.

Словно в ответ на это обращение лампочка еще раз вспыхнула и потагла уже окончательно.

— Ну, матушка, делать нечего, — обратился Карпенко к своей жене, — вынимай свечи.

В полной тьме из дальнего угла комнаты раздался робкий голос жены:

— А у меня нету свечей.

— Как то есть нету?! — воскликнул Карпенко, и, повидимому, привскочил на стуле, потому что послышался звон чего-то стеклянного и стук чего-то деревянного, а сам Карпенко полнотонно чертыхнулся.

— Ну, что ж, посидим и так, — вежливо промямлил Сенцов.

— Как это «так»? Вот сейчас сын придет, пошлем за свечами...

Снова воцарилось молчание. На этот раз оно было исполнено шумов, которые казались странными и даже почти мистическими. А мистического, конечно, ничего не было: просто в квартире все загальдели сразу по случаю наступления темноты. Где-то плакал ребенок, что-то тяжелое упало в коридоре, и совсем близко от комнаты Карпенко сердитый женский голос сказал:

— Кабы не сперли чего в темноте-то. Опять у Карпенко гости, а к ним всегда такие субъекты ходят...

Сенцов невольно крикнул. Карпенко заер-

зал на стуле (об этом можно было судить по скрипу) и сказал фальшивым голосом:

— Такая чудачка у нас, эта соседка. Комический тип, прямо из Островского,—и злобно добавил:—Каждый месяц в товарищеском суде судят.

Тучная мадам Карпенко произнесла внезапно над самым ухом Сенцова:

— Ой, мне тоже почему-то страшно, слышишь, Котик...

— Еще чего! — железным голосом отозвался Карпенко. — Лучше я сам пойду за свечами, а ты займи гостя. Вы меня извините, конечно, дорогой Владимир Иванович?

— Пожалуйста, пожалуйста.

Карпенко, громыхая попадавшими на пути предметами, сопя и ругаясь, выбрался в коридор. Произошла пауза. Потом мадам Карпенко спросила медовым тоном:

— Бываете в кино, конечно?

— Иногда.

— Правда, у нас похоже на сеанс?

— Да, отчасти.

Тут в комнату с новым грохотом вошел кто-то, и неустоявшийся басок подростка произнес:

— Мама, возьми водку. 40 градусов, а не 56. Авьось, он и от этой охмелеет.

— Кто охмелеет? Что ты говоришь, Вовочка? — уже не медовым, а сахаринным голосом спросила мадам Карпенко.

— Кто, кто! Этот наш Сенцов, новый начальник.

— Вовочка!!

— Что «Вовочка»? Отец сам говорил: нужно его спить.

Растерявшаяся хозяйка стала двигать стулья и стол, производя возможно больше скрипа. Сенцов хотел было крикнуть, но постеснялся.

Из коридора послышался еще один женский голос. Было ясно, что говорит сварливая соседка:

— Анна Федоровна, если у вас сегодня опять пьянка, то вы следите за своими гостями, а то в прошлую субботу они ломились к нам в половине пятого утра. И потом всю кухню изгваздали... Ой! Это — просто свинство, Анна Федоровна! Если вы вынесли ваш красный диван в коридор, то надо было об этом сказать, а то я так ушиблась, так ушиблась...

«Зачем еще понадобилось выносить диван? — подумал Сенцов. — Красный диван! Теперь понимаю: то-то у меня в кабинете в гарнитуре акурат не хватает дивана...»

Сенцов поднялся и твердо сказал:

— Ну, я пойду.

— Куда вы, куда? Сейчас же муж придет со свечами.

— Нет, знаете, у меня много работы...

Сенцов уже выбрался в коридор и, зажав спичку за спичкой, пробрался к выходу.

Карпенко он встретил на улице, у под'езда. На улице горели фонари, и ощущение у Сенцова было такое, что он приехал из лесу прямо в Колонный зал Дома Союзов.

— Куда же вы, Владимир Иванович?! — закричал Карпенко, потрясая двумя свертками. — Вот свечи. Мы сейчас с вами запируем, как в старину бывало: при канделябрах...

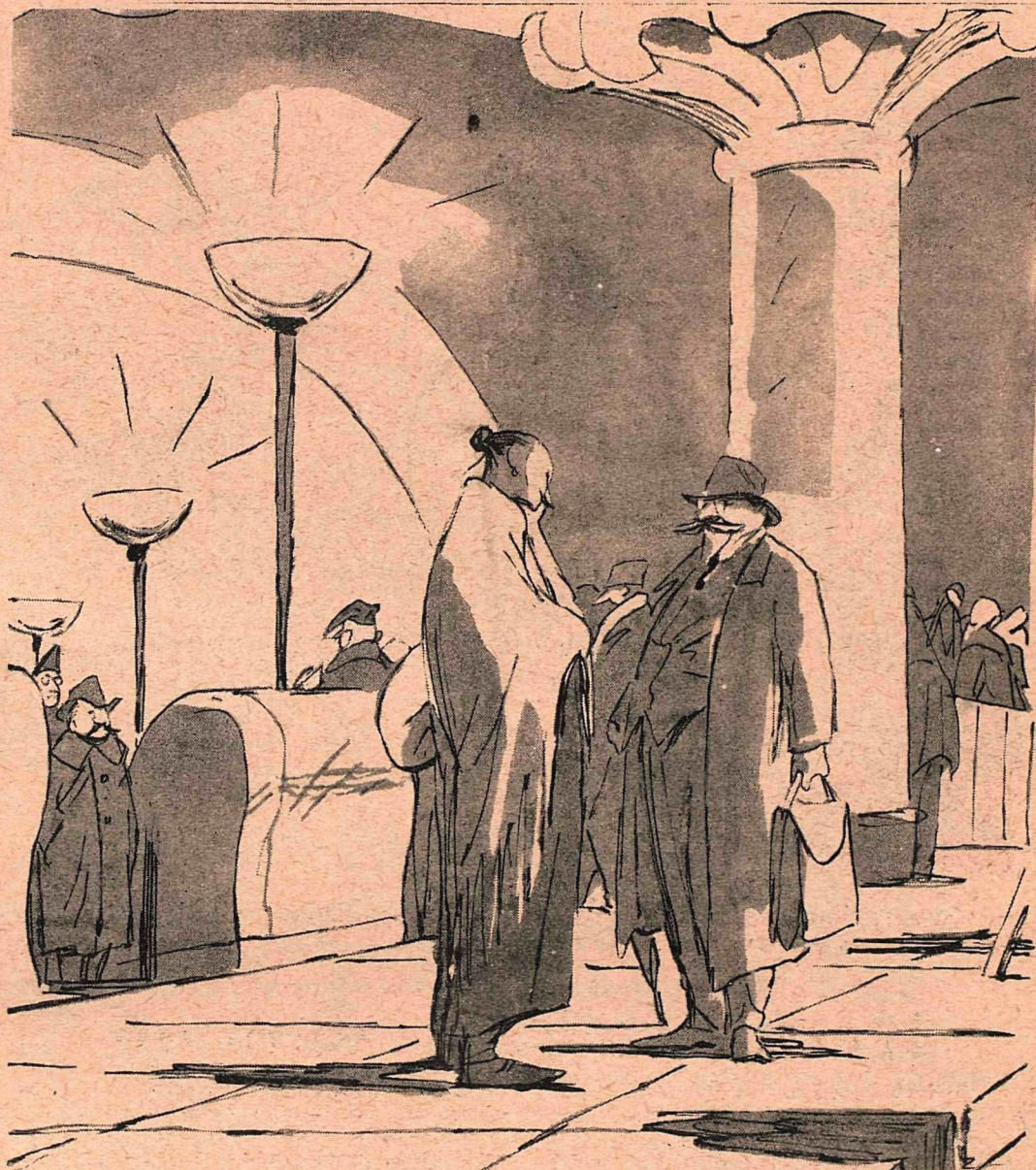
— Нет уж, не будем мы пировать!

— Это проклятая темнота вас сбила...

— Нет, не сбила меня темнота, а наоборот: эта темнота мне кое-что осветила. Примите уверения...

И Сенцов бодрой походкой перешел на другую сторону улицы, а Карпенко долго глядел ему вслед, держа в руках две тяжелые пачки со свечами.

В. АРДОВ

— Ах, доктор, какие чудные капли вы мне прописали. Сейчас поднялась по этой вот огромной лестнице — и никакого сердцебиения.

ГОРОДА И ЗАВОДЫ

18 августа в газетах было помещено телеграфное сообщение из Лондона:

«Английские самолеты подвергли бомбардировке авиационные заводы «Фиат» в Турине и «Капрони» в Милане. Бомбы были также сброшены на доменную печь около Генуи».

В минской газете «Звезда» это сообщение выглядело иначе:

«Английские самолеты снова бомбардировали авиационные заводы в Фиат, Туринет, Капрони и Милане».

Впопыхах редакция превратила заводы в города.

Насчет доменной печи около Генуи «Звезда» вообще умолчала, не решив точно, что оно такое, «доменная печь»: отдельный город или пригород Генуи?

ЕДИН В ДВУХ ЛИЦАХ

Может ли человек быть одновременно блондином и брюнетом? Может ли он на глазах у почтенной публики раздвоиться и в то время как одна половина сидит в пивной, другая выполняет план на производстве?

Оказывается, может. Этот человек — М. И. Кафидов, работающий на заводе имени

Дзержинского (Саратовская область). Вот характеристика этого соперника знаменитейших фокусников, выданная начальником литейного цеха Басовым:

«Тов. Кафидов работает на заводе довольно продолжительное время в качестве рабочего, к работе относится добросовестно, за период его работы на заводе им. Дзержинского он не позволял в те трудные и напряженные минуты покинуть завод как делали другие. В июле месяце г. Кафидов имеет выполнение на 4-е число 120%».

Нач. лит. цеха Басов».

Блондин? Блондин. Светлая личность? Конечно.

Но посмотрим, что пишет о М. И. Кафидове заведующий кадрами тов. Рубец:

СПРАВКА ОТДЕЛА КАДРОВ

1. г. Кафидов работал на заводе с 7/XI—36 г. по 26/III—39 г., уволен за прогул.

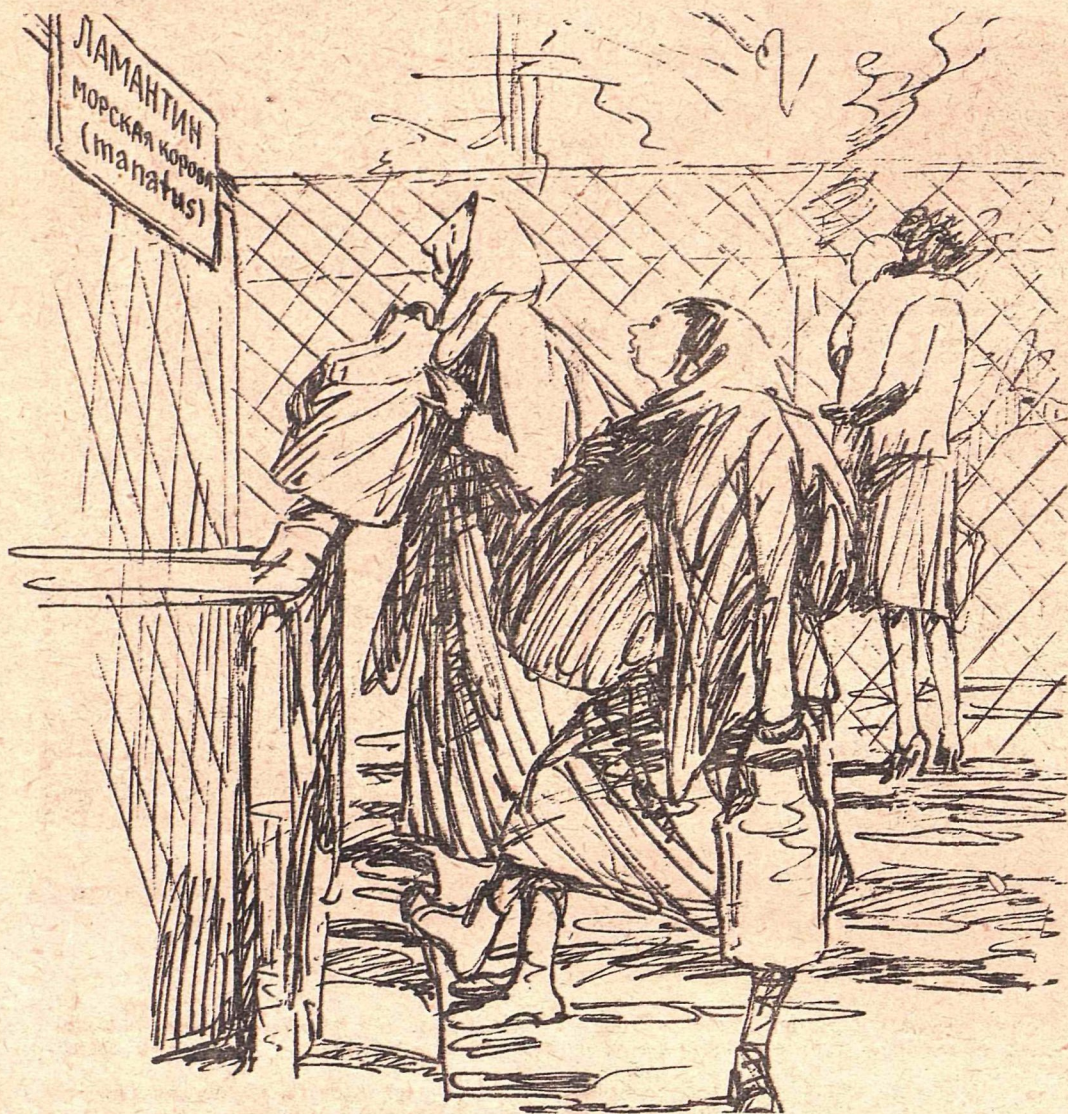
2. г. Кафидов работал 19/VII—39 г., уволен за прогул.

3. 4 июля 1940 г. явился пьяный на производство, совершил прогул.

Зав. кадрами РУБЕЦ

Вот тебе и блондин, вот тебе и светлая личность!

Рис. В. Горяева

— Нам бы такую корову: тут тебе молоко, тут тебе и вода!

ЗАБОТЛИВЫЙ КОРМИЛЕЦ

В Приволенском мясосовхозе № 20 (Ростовская область) пал валух. Это обстоятельство вызвало появление на свет акта и резолюции на нем директора Мясосовхоза Беляева.

Акт:

«Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что сего числа пал валух рождения 1938 г. Труп зарыт на скотомогильнике. Диагноз — Гнойное воспаление печени».

Резолюция:

«Списать на общественное питание».

Если кто-нибудь благодарил директора за столь сытный стол, в этом случае как нельзя лучше пришлось бы обычный любезный ответ: — Не стоит благодарности...

ШТРАФ

ЗА ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕ

На Лежневской ткацкой фабрике был форменный праздник: план по выработке суровой ткани — миткаля — перевыполнен, на ситцевую фабрику БИМ сдано этого суровья больше, чем предусмотрено договором!

Но не зря поется в старинной песне:

«Птичка ходит весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий...»

Последствия столь необдуманного поступка, как перевыполнение плана, не заставили себя ждать.

Возмездие свалилось в виде нижеследующей небольшой бумажечки, сочиненной на фабрике БИМ (Иваново):

РАСЧЕТ

Месяц — февраль

Фактически отгружено метров	792 922,5
Должны отгрузить метров	—628 000,0
Излишек	—164 922,5
Сумма	—158 326
Штраф	—1%
Сумма штрафа	—1 583

За технорука Куликов
Ст. бухгалтер Материн

Так вам и надо! Платите, голубчики, штраф за перевыполнение!

Одно странно: почему эта «записка» помечена февралем, а не мартабрем, как сказано у Гоголя?

Условный рефлекс

Понедельник. Сегодня утром мне позвонил некто Карасев. Просил разрешения зайти побеседовать по одному неотложному делу. Дело оказалось пустяковым: у гражданина Карасева протекает крыша, управдом посылает в райжилотдел, райжилотдел — в райсовет, — словом, обычная история: «Прошу вас, как депутата, ускорить, поднажать». Ну что ж, непременно поднажмем. Долг депутата райсовета — помогать своему избирателю.

Вторник. Сегодня звонил в райжилотдел по делу Карасева. Заверили, что в связи с подготовкой к зиме и ремонтной кампанией все будет сделано в самом срочном порядке.

Среда. Месяц не брал в руки депутатского блокнота. Был в отъезде, в Москве. Никто, оказывается, меня не тревожил, кроме избирателя Карасева.

Карасев появился утром. С первых слов произвел несколько странное впечатление. То есть ничего особенно странного нет, но в глаза не смотрит, а глядит все время вверх, в потолок. Спрашиваю: «Ну, как у вас с ремонтом, товарищ Карасев?» «Спасибо, — говорит, — с вашей помощью ремонт произведен».

Приятно сознавать силу общественного воздействия. Два-три веских слова депутата райсовета — и гражданину Карасеву обеспечены нормальные условия жизни.

«Помог, значит, депутат избирателю?» «Помог», — отвечает и смотрит в потолок.

Тут я не выдержал и спросил: «Скажите, товарищ Карасев, что это у вас за оригинальная привычка глядеть вверх, в потолок?» «Это, — отвечает он, — условный рефлекс. В комнате моей после ремонта штукатурка валится,

приходится следить, того и гляди, угодит в самое темя. Вот откуда появилась у меня такая привычка. Куда ни прихожу, все гляжу в потолок. Но жить можно, товарищ депутат...»

Обещал лично заехать к нему и все осмотреть на месте.

Четверг. Был у Карасева. Открыл дверь сам Карасев. Голова забинтована. Оказалось, не доглядел. Кусок штукатурки кило в два угодил в самую маковку. Пригласил меня войти. Признаюсь, вошел с опаской. Но Карасев успокоил: «Следуйте за мной. Я буду вроде буксира, а вы идите у меня в кильватере, вроде баржи, и все будет в полном порядке». Действительно, до чего хитер человек! В комнате Карасева все расчерчено по квадратам, прямо шахматная доска, а не пол. И все у вас как на ладони: где опасная зона, где не так опасно, а где можно походить и даже полежать. Оказывается, все расчертил сам Карасев. Ремонт не застал его врасплох. Человек вполне припрорвался к новым условиям. В одном месте только не угадал: написал «безопасно», а тут именно его и стукнуло куском штукатурки в два кило весом. Над кроватью вроде балдахина из фанеры; не очень красиво, но зато безопасно. Экспедиция кончилась благополучно. Только у самого выхода отвалившийся от потолка кусочек граммов в триста оцарапал мне кончик носа.

В общем не квартира, а бомбоубежище.

Пятница. Звонил в райжилотдел по делу Карасева. Рассказал про изобретательскую деятельность этого гражданина. Обещали немедленно прислать заведующего ремонтной конторой, которая производила у Карасева ремонт.

Со своей стороны решил проследить это дело до конца и присутствовать в квартире Карасева в день посещения ее заведующим ремонтной конторой.

Суббота. Выкроил время и отправился к Карасеву, застал у него гражданина в полукавалерийской одежде: снизу галифе и сапоги, сверху двухбортный пиджак. Это и был заведующий.

Похвалил Карасева за выдумку, сказал, что в связи с ремонтной кампанией изобретательская деятельность Карасева приобретает широкое значение. Этим бы и кончился визит, если бы заведующему не пришлось в голову успокоить Карасева: «Штукатурка легкая — тяжелых ранений не причиняет». И, чтобы доказать, сам стал в центре комнаты, в самой опасной зоне, и даже подпрыгнул. Эффект был в буквальном смысле потрясающий. Кусок штукатурки весом в три килограмма рухнул на голову заведующего ремонтной конторой. Пришлось вызвать карету скорой помощи.

ЭПИЛОГ

Два месяца спустя довелось быть по разным делам в жилотделе райсовета. Вижу: знакомое лицо, на голове легкая повязка. Оказалось, заведующий ремонтной конторой, производившей ремонт в квартире Карасева. От легкого сотрясения мозга не осталось и следа. Появилась только странная привычка смотреть в потолок в жилых помещениях. Особенно в тех, которые ремонтировала его контора. Своего рода условный рефлекс.

Л. НИКУЛИН

С л а в а

НА КРЫЛЕЧКЕ путевой будки № 305, затерянной в глухом лесу, среди вековых сосен и нарядных раскидистых берез, сидели писатель Аркадий Толкуев и дочь путевого обходчика, курносая, большеглазая, в длинной, до пят, юбочке.

Было жарко. Лес дышал ленивой истомой. Знойно блестели рельсы.

Большая черная коза, лежавшая в тени, подняла голову, посмотрела на писателя своими почти вертикально поставленными глазами и, словно удивляясь чему-то, замекала.

— Вот я тебе! — погрозила девочка козе и, деловито сопя, стала пририсовывать карандашом усы нескладной грязной кукле, лежавшей у нее на коленях.

Считая, очевидно, что кукле эта операция не очень приятна, она тихо приговаривала:

— Потерпи, потерпи, сейчас пройдет!..

— Как тебя зовут? — спросил писатель.

— Танькой! — басом сказала девочка. — А тебя?

— Аркадий Иванович.

Танька с нескрываемым подозрением оглядела тощую фигуру писателя, начиная с желтых запыленных башмаков и кончая вспотевшей лысиной.

«Еще, чего доброго, примет меня за жулика! — подумал писатель. — Паспорт потребует. Или козу на меня свою натравит...»

Но Таня молча продолжала работу.

— Городской? — спросила она и, послушив карандаш, стала рисовать кукле ассирийскую — колечками — бороду.

— Московский. Я здесь отдыхаю, в Изварине. Знаешь?.. Гулял, видишь ли, в лесу и заблудился..

Таня кивнула головой. Коза снова замекала..

— Ох, дождешься ты у меня! — грозно прикрикнула девочка.

У нее с козой были, повидимому, старые счеты.

«Какая мирная, тихая жизнь! — размышлял писатель. — Одинокая будочка в лесу... Смешная, милая девочка... Люди живут здесь безвестно и неторопливо, никто не знает их, и они никого не знают... Иные из нас там, в Москве, суетятся, мечтают о славе, а слава проносится, словно скорый поезд мимо глухого полустанка... Зачем? Не лучше ли жить в этом прекрасном лесу, в безвестности и тишине, одной жизнью с природой?..»

— Дяденька, — вдруг спросила Таня, — ты киреспиндент?..

— Нет! — удивленно ответил Толкуев. — Я писатель.

— Писатель! — радостно ахнула девочка и, бросив куклу, исчезла в будке.

Через минуту она появилась с «Мойдодором», зачитанным действительно до дыр.

— Это ты написал?

— Нет, не я, — сконфузился Толкуев. — Это Чуковский. Тут же написано... А почему ты решила, что я корреспондент?

— До тятки много их ездит, киреспиндентов.

— Позволь... Зачем же они сюда приезжают?..

— Кто их знает! Погугорят с тяткой, а потом в газетине печатают. И на карточку его снимают. Один дяденька в очках, тощий, на ищерку похожий, вроде тебя, меня тоже один раз снял на карточку. И в газетине пропечатал. Только я черная вышла, — печально прибавила девочка. — И Дунька (она показала на куклу) тоже черная получилась. Как головешка!..

— Так, — сказал писатель. — Значит, вы с тяткой люди известные?

— Ага! — кивнула Таня и вдруг закричала: — Тятка идет!..

Из лесу к будке вышел бородатый человек. Он показался Толкуеву похожим на Достоевского. Одет он был в ситцевую вылинявшую рубашку, синюю с горошком. В руках путевого обходчика держал таеchnый ключ, а на поясе у него висел медный погнутой рожок. Его сопровождал молодой человек в шикарном кепке и дорогом галстуке, с «клейкой» через плечо.

— Фоторепортер! — определил писатель.

— Что же, наконец, сегодня идет: „Кин“, или „Гений и беспутство“, или „Безумный день“, или „Женитьба Фигаро“?

— День добрый! — просто сказал путевого обходчик и протянул Толкуеву большую загорелую руку.

— Он писатель! — сказала Таня. — Только «Мойдодыр» не он написал.

— Вы ко мне? — спросил путевого обходчик.

— Нет, собственно. Я заблудился в лесу и вышел на вашу будку... Вот познакомился с Таней вашей!..

— Танька моя с кем хочешь познакомится.

— Товарищ Епифанов, — засуетился молодой человек, — давайте быстренько, последний снимок. Я снимаю вас вместе с дочкой на фоне путевого будки. Прошу!..

Обходчик покорно сел на скамеечку и взял дочь на руки.

Таня привычно одернула юбочку и сделала «милое лицо».

— Обождите, — вдруг сказал писатель. — Я снимусь вместе с вами.

— У вас будет замечательный снимок, — обратился он к фоторепортеру. — Текстовозку дайте такую: писатель Аркадий Толкуев в гостях у знатного путевого обходчика... э... — Епифановы — наше фамилие, — сказала Таня.

— ...Епифанова. Что вы так смотрите?.. Неужели вы.. этого самого.. меня не знаете?

— Я Шолохова очень люблю! — неопределенно ответил фоторепортер и смутился.

— При чем тут Шолохов? — пожал плечами Аркадий Иванович и сел на скамеечку рядом с Таней.

Фоторепортер прицелился и сделал снимок. В Изварине Аркадий Иванович и фоторепортер возвращались вместе.

Они долго шли по лесной тропинке вдоль полотна. Неумолчно щebetали, чирикали и свистели печально и нежно какие-то птички, пахло смолой и горьким, пьяным запахом березового листа.

Фоторепортер рассказывал Аркадию Ивановичу о своих приключениях, но писатель его не слушал.

«Пишу я плохо, — думал писатель, — пишу холодные, вялые, как дохлые лягушки, сочинения. И что же тут удивительного, что на графике поезда Славы нет пока моего имени?..»

Послышался нарастающий грозный железный гул. Он приближался с волнующей быстротой.

— Скорый из Киева! — сказал фоторепортер.

Как всегда неожиданно, на повороте показался паровоз. Это был мощный и прекрасный «ИС».

Обдав писателя и фоторепортера жарким своим дыханием, оглушив ослепительным грохотом колес, скорый поезд промчался мимо..

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

УСЕРДНЫЙ УРАЛЕЦ

Есть люди, для которых, как говорится, закон не писан. Про заместителя начальника строительства Волжостроя (Рыбинск) Уралеца этого сказать нельзя. Наоборот, движимый администраторским усердием, он сам с некоторых пор стал писать свои собственные законы.

Кассирша фабрики-кухни Волжостроя Евдокия Байрамова родила сына. Живет она в трех километрах от места работы, дома малыша не на кого оставить, а лесей на стройке нет. И молодая мать вынуждена была подать заявление об освобождении ее от работы. И все шло чисто, гладко, пока «дело» не дошло до Уралеца.

Последний не то, чтобы стал возражать против увольнения Байрамовой, но на ее заявление наложил такую резолюцию:

«Направить в суд для взыскания с нее или ее мужа денег полученных от государства в порядке получения декретного отпуска по беременности. 17/VIII. Уралец».

Пришлось прокурору напомнить не в меру усердному администратору, что не было и нет такого советского закона, по которому можно было бы взыскивать с матери-работницы деньги, полученные ею по декретному отпуску. Что касается мужа Байрамовой, то, как удалось выяснить, он и беременным не был и денег никаких в связи с этим не получал, так что...

Что и говорить, переусердствовал Уралец!

Рис. К. Елисеева

— Полюбуйтесь, на суде он так вежлив, что готов любому уступить свое место.

Шалости

— Учится Петя очень хорошо, — говорила учительница, сидя в кабинете петиного отца.
— Приятно слушать. А как насчет шалостей?

— Немножко есть. Пете девять лет. Мальчик он живой, темпераментный. Было бы странно, если б он совсем не шалил.

— Ничего не было б странного, — сердито сказал петин отец. — Не маленький, слава богу. Я в его годы...

Петин отец замолчал и стал ходить по кабинету. Учительница так и не поняла, что он делал в петины годы.

— Я же вам говорю, что никаких особенных шалостей мы за ним не замечали. А если так, иногда, в свободную минуту, то, по-моему, это вполне естественно.

— Это, по-вашему, вполне естественно, а, по-моему, шалость, в какую бы минуту она ни возникала, надо убивать в самом зародыше. Знаем мы эти «иногда»! Сегодня — иногда, а завтра — всегда. Вот он сейчас придет, так я с ним поговорю.

— Если это вас так волнует, то лучше я с ним поговорю, потому вы, мне кажется...

— Что вам кажется, этого, товарищ педагог, я не вижу. Я вижу, что мне кажется. А мне кажется, что насчет истории с географией, действительно, вы должны с ним говорить, а насчет шалостей уж позвольте мне. Я тоже в свое время был маленьким и в вопросах шалостей умею разбираться.

Через час в кабинете сидел Петя, смотрел на отца и внимательно слушал.

— Тебе девять лет, — говорит петин отец, расхаживая по кабинету. — Ты уже должен отвечать за все свои поступки. Так ответь мне, пожалуйста: зачем ты шалишь? Зачем тебе это нужно? Неужели ты не понимаешь, что в наши насыщенные дни шалость льет воду не на мельницу твоего воспитания, а на мельницу твоей распушенности... Подожди... Не перебивай... Я знаю, что ты хочешь сказать: я, мол, шалю иногда, немножко и в свободное время. Тем хуже! Значит, повседневная шалость тебе ненужна. Значит, ты шалишь просто так, формально. Это уж совсем никуда не годится. Я понимаю, если б ты был сознательным шалуном. Бывают такие. Вот, помню, у нас в гимназии такой был, Костя Будников. Не шалун, а шалунище. Для него шалость была внутренней потребностью. Как воздух. Он без шалостей часу не мог прожить. И надо отдать ему справедливость, он-таки умел это делать. Не то, что вы.

— А что он делал? — спросил Петя.

— Ну, брат, этого так, сразу, не расскажешь. Например шалость, которую называли «пускать пыль в глаза». Знаешь?

— Откуда мне знать?

— Вот видишь! А туда же лезешь. Делал он ее так: брал немножко муки...

— Какой: белой или черной?

— Как когда. Хотя лучше белой, она мельче. Потом брал бумагу...

— Газетную?

— Можно газетную. И делал из нее фунтик. Вот такой величины. Дай-ка газету, я тебе покажу. Вот примерно такой. И с таким расчетом, чтоб нижняя дырочка была бы с булавочную головку. Не больше. Вот такая. Насыпал в этот фунтик муки. А к верхнему отверстию фунтика приделывал трубочку.

— Из чего трубочку?

— Тоже из бумаги. Только он ее вдвойне складывал, чтоб она тверже была. Ну и дул в нее. Как дунет в эту трубочку, мука и вылетает. Как пыль.

— И в глаза пускал?

— Главным образом в глаза. Вот это шалость! Это я понимаю. Когда этого Будникова наказывали, было понятно, за что. А ты? Твои шалости? Так, иногда. Робкие попытки. Ни богу свечка, ни чорту кочегра. Так зачем же они? Не понимаю. Мальчик ты способный, любознательный... Положи газету на место.

— А в какие еще шалости шалил Будников?

— В какие? В такие, каких вам никогда не выдумать. Например чернильными шариками стреляете?

— Нет. А как этими шариками стреляют?

— Очень просто. Берется хлебный шарик, обмакивается в чернилах, кладется на парту...

— Куда на парту?

— С краю. Как щелкнешь, — шарик и летит. Попадает кому-нибудь в нос — и готово: на носу чернильное пятно. Смеху!.. Зачем ты опять из газеты фунтик сворачиваешь? Во-первых, надо гораздо меньше, а во-вторых, положи газету на место. Так вот, брат. Я и говорю. Шалить как следует вы не умеете, так и не надо. Как говорится: не знаешь броду, не суйся в воду... Или вот еще шалость, «ловля бабочек» называется. Делается она так...

Через несколько дней та же самая учительница опять сидела в кабинете петиного отца и говорила:

— Не понимаю, что с Петей сделалось. Начал шалить. И шалости все какие-то небывалые. И с каждым днем все больше и больше...

— А что я вам говорил?! — воскликнул петин отец, вскакивая с кресла. — Я же вас предупреждал, что шалости надо убивать в самом зародыше, что они сегодня — иногда, а завтра — всегда. А вы? «Вполне естественно! Девять лет! Живой характер!» И вот вам результат. Хорошо еще, что вопросы шалости я взял на себя. При вашем либеральничанье он бы бог знает до чего дошел. Но ничего! Положитесь на меня. Я с ним опять поговорю.

ЯКОВ РУДИН

Пиджак в клетку

В селении Джубиг-Аул, Чеберловского района (Чечено-Ингушская АССР), два хулигана набросились с кинжалами на местного учителя Барзукеева. Лишь по случайной случайности пострадал не человек, а только его пиджак. Таковы обстоятельства дела. И дело пошло к прокурору.

Только один взгляд бросил прокурор Костоев на пиджак, приобретенный к делу в качестве вещественного доказательства, и этого было вполне достаточно, чтобы творческий червь сомнения взполз в прокурорскую душу:

— А что если?.. Что если этот Барзукеев просто всех дурачит?.. А вдруг это не хулиганы, а сам он порезал свой пиджак?..

Тут Костоев метнул таинственный взгляд на пиджак и загадочно улыбнулся:

— Ну, положим! Еще не родился на свет тот человек, который проведет меня при исполнении служебных обязанностей...

И вот по предложению районного прокурора пиджак был подвергнут медицинской экспертизе, к которой были привлечены все местные светила: зубной врач Хамиев, врач Фотиади, дезинфектор Идигов и заведующая райздравом Шкловская. Кроме них в качестве понятых и сведущих лиц были кооптированы одна больничная няня, одна санитарка, один конюх и одна прачка.

Экспертам предстояло решить один серьезный вопрос: каким оружием был ранен серый пиджак в клетку: кинжалом или ножом?

И вот научная сессия начала свою работу. Конюх изготовил из соломы чучело-манекен. Прачка обшила его мешковиной. Прочие стали натягивать раненый пиджак учителя на только что изготовленного его двойника. Правда, чуть не произошла катастрофа: пиджак не выдержал и треснул по швам. Но, на счастье, тут же оказалась местная акушерка, которая опытной рукой наложила швы, и авторитетная комиссия получила, наконец, возможность приступить к научно-исследовательской работе.

Вооружившись кинжалами и ножами, они окружили манекен и организованно стали наносить удары по пиджаку. Командовал экзекуцией сам прокурор Костоев. Он стоял тут же и выкрикивал: «Бей!», «Резь!», «Жги!», — разжигая энтузиазм экспертов. Пиджак истекал соломённой кровью. Наконец, два последних удара мастерски нанес прокурор, отхвативший у своей жертвы оба рукава. И экспертиза закончилась.

В специальном акте было зафиксировано:

«Исследование производили... на предмет установления нанесены ли ранения имеющиеся на пиджаке кинжалом в области от середины спины налево дугообразно к низу размером 13 см., верхний край на середине от низу 12 см., нижний край слева размером 7 см. от низу, подкладка порезана размером в 6 см., второй изъят в области слева под карманом зигзагообразно... Кинжал имеет следующие признаки: вес 600 гр., длина лезвия 47 см., ширина 4½, имеется надпись на арабском языке и год...»

При сравнении порезов пришли к заключению — изъятые имеющиеся на пиджаке ранения не кинжалом, потому что данный кинжал имеет большую остроту (берет волос) наносит прямые порезы (которые характерны для рубящего оружия) и при сильном ударе рубит пиджак вместе с чучелом.»

Только после того, как акт был подписан и прокурор и члены комиссии успокоились, пиджак в клеточку тоже обрел покой в прокурорской комнате, в шкафу вещественных доказательств и трофеев. (Впрочем, висит уже не пиджак, а одни только клеточки, остальное превращено в лапшу.) Только учитель Барзукеев все ходит как неприкаянный в прокуратуру, но ни пиджака своего не видит, ни его стоимости получить не может.

Что же, ничего не поделаешь, тов. Барзукеев, наука требует жертв!

ДИМ

с. Шаро-Аргун
Чечено-Ингушская АССР.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Тебе, конечно, известно, что не все приказы, издаваемые предприятиями, представляют собой серьезное чтение: некоторые произведения административного характера написаны в явно несерьезном, смехотворном стиле.

Вот, например, начальник главных мастерских метрополитена тов. Тимофеев подписал 5 сентября приказ № 206, где говорится о премировании мастеров Макаркина, Смирнова, Фомина, Кузьмина, Кузнецова и др. за выполнение июльской и августовской программы по ремонту вагонов и за снижение себестоимости.

А через день, 7 сентября, тот же Тимофеев руку приложил к приказу № 209, каковой трактует о низком качестве запасных ча-

стей, выпускаемых цехами, причем в числе бракоделов поименованы те же мастера: Макаркин, Смирнов, Фомин, Кузьмин, Кузнецов. В приказе Тимофеев не без грусти признает, что «решительного перелома в повышении качества выпускаемых из цехов запасных частей аппаратов и в целом секций не сделано».

Говорят: правая рука не ведает, что делает левая. Но со стороны виднее: очевидно, обе руки Тимофеева, и правая и левая, всемерно содействуют процветанию брака.

И. Н. РУЛЕВ,

заместитель секретаря партбюро главных мастерских метро

Москва.

Дорогой Крокодил!

Медицине известен случай «провала памяти», «выпадения из памяти». Но я хочу тебе рассказать о таком редком случае, который медиками, безусловно, еще не зарегистрирован.

Председателем Армавирского городского исполнительного комитета является Василий Петрович Малых. С ним-то и приключилась эта беда: прожив в гостинице «Северная» четыре месяца, Малых, выбыв оттуда, «забыл», что он должен родному отелю полторы тысячи рублей. Председатель пробовал напомнить об этой мелочи, но «провал» произошел настолько глубокий, что достать из него хотя бы червонец один представлялось совершенно невозможным.

Случай этот тем более тяжелый, что сам же Малых утвердил так называемые «правила для гостиниц», в которых есть и такой параграф: «Администрация производить расчет с выезжающими в течение 30 минут с момента заявления ими об отъезде из номера». Но в том-то и дело, что и правила в целом и параграф в частности — всё чисто у него выпало из памяти.

Остается, Крокодил, обратиться к тебе. Напомни, кстати, нашему председателю, что с момента его выезда из гостиницы прошло не тридцать минут, а около шести месяцев. Дата почти юбилейная, а денег ни гроша.

К. ЧЕЛНОВ

Армавир.

Пифагор и его штаны

В ТЕЧЕНИЕ долгого времени это страшное преступление оставалось нераскрытым.

Шли годы, десятилетия. Века сменялись веками, а преступление, о котором идет речь, все же было окутано тайной.

Так закончился бы и наш двадцатый век, если б...

Если б секретарь Калининского народного суда, Московской области, Федосья Яковлевна Андреевская не подала жалобу своему начальнику — народному судье тов. Максакову:

«Прошу принять меры к гр. Улесову, который написал оскорбительную записку...»

Судья Максаков принял дело к производству и тотчас же направил означенную оскорбительную записку, приложенную к заявлению в качестве вещественного доказательства, в районный отдел народного образования на экспертизу.

Представитель района Ильин дал официальную справку:

«Просмотрев чертеж на бумаге в виде треугольника и несколько квадратов, заключаю, что это есть по геометрии так называемые пифагоровы штаны».

Народный судья Максаков обладал достаточно глубокой эрудицией, чтоб сразу же усмотреть в «пифагоровых штанах» преступление против нравственности и человеческого достоинства. Судья Максаков, должно быть, вспомнил княгиню, описанную Лесковым в рассказе «Дух мадам Жанлис». Эта княгиня слыла женщиной тонкого образования и, не желая смущать девственный слух своей дочери, подвергала строгой предварительной цензуре произведения русских классиков. Она наложила категорический запрет на Державина, Жуковского, Гоголя, Лермонтова. Даже Гончаров был запрещен, ибо он писал о «разжигających предметах»... о голых локтях.

Вполне естественно, что штаны, независимо от того, кому они принадлежат, представляют, несомненно, большую опасность чем какие-то локти. Исходя из этого, судья Максаков и вынес в распорядительном заседании решение о привлечении к уголовной ответственности гр. Улесова по ст. 159.

И вот Улесов, Максим Никифорович, 1897 года рождения, работающий по найму 24 года, технический руководитель малинского детского дома, женатый, ранее не судившийся, предстал перед народным судом.

Припертый к стенке неопровержимыми уликами, Улесов стал давать показания, не утаивая ничего. Без особого труда суд быстро восстановил во всех подробностях историю морального падения и душевного опустошения человека, работающего на фронте народного образования. Посрамленный Улесов давал объяснения суду. Да, он, Улесов, действительно заходил в камеру малинского районного суда, куда был вызван по трудо-

вому делу. Дождавшись вызова, он, Улесов, действительно взял на столе лист бумаги и стал решать пифагорову теорему. Нет, суд не ослышался: Улесов самолично подтвердил, что он действительно решал в канцелярии суда эту страшную теорему.

Допрошенная затем потерпевшая Андреевская добавила, что в канцелярии суда на «столе лежал лист чистой бумаги, и Улесов стал писать и написал теорему: «Пифагоровы штаны во все стороны равны». Сотрудники этим поведением были очень недовольны, но и в то же время и мне очень оскорбительно, как грамотному человеку».

Суду все стало ясно и, удалившись на совещание, он вынес приговор, которым установил, что «подсудимый вошел в канцелярию, сел за стол и написал оскорбительную записку по адресу секретаря и нарисовал диаграмму, которая по заключению представителя РОНО, является оскорбительной», а посему, руководствуясь такими-то статьями уголовного кодекса, суд приговорил Улесова к денежному штрафу в 300 рублей.

Две с половиною тысячи лет прошло с тех пор, как гражданин Пифагор сочинил свою преступную теорему. Две с половиною тысячи лет (не больше и не меньше) развращалось в школах молодое поколение.

Как должны мы быть благодарны народному судье Максакову и его секретарю Андреевской за то, что они, наконец, раскрыли это преступление!

Мы не сомневаемся, что учебно-методический совет Наркомпроса извлечет урок из мадинского процесса и незамедлительно выключит из учебных программ антиобщественную теорему гр. Пифагора. «Штанам» не место в учебниках геометрии.

Задно мы ждем от товарища Максакова авторитетных разъяснений: как быть с поэмой В. В. Маяковского «Облако в штанах»? Нет ли в этом названии чего-то порочного?

Справедливость требует, чтобы, помимо Улесова, понес заслуженную кару и главный виновник — гражданин Пифагор. Дальность расстояния (Греция и Южная Италия) и давность проживания (VI век до нашей эры) не могут быть помехой для такого судьи, как Максаков.

Е. ВЕСЕНИН

— Соседушка, постучите мне завтра в стену без пяти семь. Мне надо встряхнуть будильник, чтобы он меня разбудил ровно в семь.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д-3-32-50; Д-3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц. Изд-во „Правда“.

А 32046. Москва. Изд. № 1067 Сдача текста и рисунков 16/X 1940 г. Подписано к печати 25/X 1940 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 3516. Тираж 271 000 экз.

34

Период и сроки	Лет
Получ. в ред.	$\frac{1}{21}$
арх.	$\frac{1}{21}$

ЮГ
10

— Может, мадам, нуждаетесь в уходе?
 — Да. Ваш уход, господа министры, значительно помог бы мне.